

Дженнифер Е. Смит

ЗАМЕТКИ

О ЛЮБВИ

«Очень романтично!»
Дженни Хан,
автор бестселлера
«Всем парням,
которых я любила»

Young Adult. Головокружительная
романтика Дженнифер Смит

Дженнифер Смит
Заметки о любви

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Смит Д.

Заметки о любви / Д. Смит — «Эксмо», 2019 — (Young Adult.
Головокружительная романтика Дженнифер Смит)

ISBN 978-5-04-109697-7

Восемнадцатилетнего Хьюго бросила девушка, с которой он встречался три года. Теперь пропадут два билета на поездку через всю Америку. Загвоздка в том, что билеты куплены на ее имя и обмену не подлежат. Но парень делает пост в социальных сетях и надеется, что в мире найдется еще одна Маргарет Кэмпбел. Маргарет мечтала вырваться из привычной рутины и откликнулась на сообщение. Они встретились на вокзале, не подозревая, какие неожиданные приключения ждут впереди.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-109697-7

© Смит Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Хьюго	7
Мэй	12
Хьюго	17
Мэй	23
Хьюго	28
Мэй	32
Хьюго	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дженнифер Смит

Заметки о любви

Jennifer E. Smith
FIELD NOTES ON LOVE

© Прокопьева Е., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается Джеку, у которого впереди еще так много приключений

Пролог

Мэй, как в любое другое утро, просыпается от звука проходящего мимо поезда.

Еще не открыв глаза, она всем телом чувствует его низкий грохот, вибрацией отдающийся в кончиках пальцев на ногах, но только свисток окончательно прогоняет пелену сна. Девушка переворачивается, чтобы выглянуть за занавески. Прямо за забором их заднего двора проносится длинная вереница серебристых вагонов.

Через две недели Мэй будет стоять на перроне Пенн-Стейшн¹ и ждать точно такой же поезд. И как только она поднимется в вагон, тут же перестанет быть неподвижной точкой на карте, которой была всю свою жизнь.

По другую сторону океана парень по имени Хьюго держит в руке билеты, по которым они проедут через всю страну. Он размышляет над той математической задачей, в которой два поезда отходят от двух разных станций и двигаются с разной скоростью.

Всегда нужно было определять, где они встретятся.

Но никто никогда не говорил, что случится потом, когда это произойдет.

Парень и девушка сидят в тишине, разделенные почти пятью тысячами километров. Хьюго не отводит глаз от слова, напечатанного в нижней части каждого из билетов: «Калифорния». Мэй же наблюдает за поездом, который исчезает вдали. Если бы вы увидели их, то решили, что они чего-то ждут. Но на самом деле – и уже давно – они готовы.

¹ Пенн-Стейшн (*англ.* Penn Station) – обиходное название Пенсильванского железнодорожного вокзала, расположенного в городе Нью-Йорке, одного из самых загруженных вокзалов в мире. – *Здесь и далее примечание переводчика, если не указано иное.*

Хьюго

Чтобы справиться с волнением, уходит несколько минут. Все это время Хьюго сидит, опустив голову и сцепив пальцы на затылке, и пытается переварить новость, что Маргарет Кэмпбелл – девушка, с которой он встречался почти три года, – его бросает.

– Я всегда буду любить тебя, – говорит она. – В какой-то мере.

Услышав это, Хьюго морщится. Но Маргарет уже не остановить.

– Дело в том, что... – говорит девушка, и он поднимает голову, желая узнать, в чем все-таки дело и почему происходит то, что происходит. Во взгляде Маргарет мелькает нечто, похожее на жалость. – Нельзя ведь встречаться с человеком просто по инерции?

Очевиднее некуда, что правильный ответ на этот вопрос: «Да, нельзя». Но Хьюго не может заставить себя произнести это. Он молча смотрит на Маргарет, желая, чтобы клубок мыслей в голове распутался.

– Наверное, ты чувствуешь то же самое, – продолжает она. – Между нами давно уже что-то не так. Мы явно не подходим друг другу...

– Считаешь? – спрашивает Хьюго, и Маргарет бросает на него усталый взгляд. Нет, он не пытается поддеть ее, просто ему такое даже в голову не приходило. Его лицо начинает гореть, когда до него доходит, что он облажался.

– Хьюго, да ладно тебе! Сейчас мы живем через дорогу друг от друга, и у нас уже такие проблемы. Мы, наверное, чокнутые, раз решили, что сможем продолжать отношения, когда я буду в Калифорнии, а ты...

Маргарет вдруг замолкает и, моргнув, встречается с его взглядом.

– Здесь, – в конце концов произносит Хьюго бесцветным голосом.

Маргарет вздыхает.

– Вот видишь! Может, уже перестанешь вести себя так, словно грант на обучение в классном универе – это худшее, что с кем-либо когда-либо случилось...

– Я так себя не веду.

– Нет, ведешь!

– Я...

– Хьюго, – перебивает его Маргарет, – ты все лето был в ужасном состоянии. И не я одна это заметила. Понимаю, это не то, чего бы ты хотел, но рано или поздно тебе придется... ну, принять это, что ли.

Хьюго почесывает колено, не в силах заставить себя посмотреть на Маргарет. Она права, и они оба это знают, и ему хочется заползти под кровать, только бы не продолжать этот разговор.

– Слушай, я все понимаю, – продолжает Маргарет, играя с кончиком светлых волос, убранных в конский хвост. – Если бы все было по-другому, ты вряд ли бы остановил свой выбор на этом университете.

Это не совсем правда. Хьюго был бы не против попытать счастье и подать документы в Оксфорд, Кембридж или Сент-Эндрюс, если бы дело было только в хороших оценках. Университет Суррея тоже считается очень престижным. И у него изначально не было выбора – вот в чем проблема. Его будущее было уже определено, и именно поэтому он чувствовал себя словно зверь в вольере зоопарка, который расхаживает туда-сюда, мечтая о свободе.

– Но если бы все было по-другому, – продолжает Маргарет, – у тебя вообще не было бы этого гранта.

Она произносит слова таким тоном, словно все это пустяк, случайность, а не то, что мучает Хьюго уже на протяжении нескольких лет. Ведь он получил грант на обучение в Университете Суррея не за свои блестящие эссе (хотя они у него и правда получаются блестящими)

и не за свои успехи в области математики (пусть он далеко не математический гений), не за музыкальный талант (несмотря на то, что он действительно неплохо играет на фортепиано) и не за подачи на футбольном поле (потому что в футболе он полный отстой). Этот грант достался ему не за какие-то способности, таланты или успехи в учебе.

Нет, Хьюго получил его – как и остальные его пять братьев и сестер – только потому, что родился.

Как только они появились на свет – один за другим, и Хьюго был самым последним, – их прямо-таки засыпали подарками. Местный рынок подарил им годовой запас молочной смеси. Аптека прислала целый грузовик бесплатных подгузников. К ним в гости пожаловал сам мэр, вручив ключи от города в количестве шести штук каждому из шестерняшек, которых ласково прозвали «Шестеркой Суррея», ибо во всей Англии такое случилось всего лишь в пятый раз. А один богатый благотворитель даровал их утомленным и глубоко потрясенным родителям гранты на обучение в местном университете для всех шести новорожденных.

Этот человек – эксцентричный миллионер, сколотивший свое состояние на сети дорогих кофеен, – начал свою карьеру в Университете Суррея и пришел в полный восторг от мысли о том, какую рекламу сможет себе создать, отправив туда шестерняшек. Когда несколько лет назад он скончался, управление грантами перешло в руки университетского совета, который был в не меньшем восторге и уже начал строить планы на их поступление.

Единственный человек, которого все это ничуть не радует, – Хьюго. Он ощущает себя настоящим монстром, испытывая чувство благодарности и ничего более. Просто ему ненавистна даже мысль о том, чтобы принять такой щедрый подарок только потому, что он родился при столь необычных обстоятельствах. Особенно если учесть, что всю его жизнь подарки на него так и сыпались.

– Послушай, я хочу, чтобы ты правильно меня понял, – говорит Маргарет. – В том, что касается нас. И почему мы...

– Но «нас» больше нет?

Она вздрагивает.

– Знаю, что сейчас не сильно церемонюсь с тобой, но мне не хочется, чтобы ты решил, будто мы расстаемся только потому, что ты хандрить все лето. Или из-за расстояния. Причина совсем другая... короче, по-моему, просто пришло время, согласен?

Хьюго потирает глаза, все еще пытаюсь переварить происходящее, а когда снова поднимает глаза на Маргарет, ее взгляд смягчается. Она подходит и садится рядом с ним, и он непроизвольно прижимается к ней, их плечи соприкасаются. С минуту они оба сидят неподвижно, и Хьюго старается собраться с мыслями, роящимися в голове. Где-то глубоко внутри, в самом глубоком местечке его души, о котором он даже не догадывался, сидит осознание того, что Маргарет права, и сердце его сжимается при мысли о том, что почему-то он обо всем всегда узнает последним, даже когда дело касается его собственных чувств.

– А как же путешествие? – спрашивает Хьюго, и Маргарет смотрит на него почти с облегчением, словно ей разрешили перейти к делу. «Три года», – думает Хьюго. Целых три года, и вот они, как давно женатая пара, обсуждают детали развода. Маргарет дергает за вылезшую нитку своего джемпера серого цвета с узором из маленьких лис. Хьюго вспоминает, что именно в нем она была на их третьем свидании, когда они пошли в кино и впервые поцеловались во время сцены драки.

И только теперь до него начало доходить, что, возможно, то был знак.

– Думаю, тебе все же следует поехать, – отвечает Маргарет, и Хьюго поднимает на нее удивленный взгляд.

Это же она все придумала. Маргарет решила, что будет романтично отправиться в путешествие на поезде, чтобы увидеть Америку, в которой ей предстояло провести следующие четыре года. Именно она нашла на просторах интернета рекламу и забронировала билеты, при-

ятно удивив Хьюго на его день рождения несколько месяцев назад. Они должны были проехать от Нью-Йорка до Калифорнии, сделав между этими пунктами несколько остановок. Потом Хьюго оставил бы ее в Стэнфорде, а сам вернулся бы в Суррей – место, где он прожил всю свою жизнь, и которое, по всей видимости, ему никогда не суждено покинуть.

– Почему мне? – не сводя глаз с Маргарет, спрашивает он. – Почему не тебе?

– Ну, ты все равно остаешься в Суррее. Вот я и решила, что тебе пойдет на пользу... – Она умолкает, заметив выражение его лица, и на ее бледных щеках вспыхивают алые пятна. – Прости. Я все испортила, да?

– Нет, – отвечает Хьюго, размышляя о планах, которые они строили все лето, о фотографиях поезда, гладкого и серебристого, который мчится на запад через всю Америку. – Просто... как же я поеду без тебя?

– Иногда ты такая бестолочь, честное слово, – говорит Маргарет с улыбкой. – Но думаю, ты все же справишься и вернешься домой целым и невредимым.

Она тянется за своей сумкой, валяющейся у его стола, и протягивает ему голубой конверт, на котором выбито название туристической фирмы. Когда Хьюго забирает его, их пальцы соприкасаются, и его вдруг начинают одолевать сомнения. Но тут Маргарет наклоняется, чтобы поцеловать его в щеку перед тем, как встать с кровати, и что-то в этом ее жесте – как будто она просто его друг – заставляет его вспомнить, почему все это происходит, и приводит его в чувство.

– Буду надеяться, ты все равно заедешь повидать меня, – говорит она. – Когда доберешься до Калифорнии.

– Конечно, – не думая отвечает Хьюго, про себя уже начиная продумывать предстоящее путешествие: и вот это уже не они с Маргарет вдвоем сидят и тихо разговаривают под стук колес в ночи, а он один медленно проезжает через незнакомую страну.

«Один», – думает парень, закрывая глаза.

Хьюго даже представить трудно, каково это. Он живет в одной комнате с Альфи, к тому же у них общая ванная с Джорджем и Оскаром. За обеденным столом он обычно втискивается между Поппи и Айлой, а когда они смотрят телевизор, ему уже не хватает места на диване и приходится садиться на подушку, брошенную на пол. Бывает, на праздники они всей семьей едут в коттедж в Девоне, принадлежащий маминой подруге, так что самой дальней (и пока что единственной) точкой на карте, куда он уезжал, был Париж, но туда они ездили школой – и его братья и сестры были вместе с ним. Та поездка выдалась красочной и веселой, но уж слишком шумной, когда их шестерка со смехом плутала по брусчатым улицам – прирожденная команда, готовая компания, одно целое из шести частей.

«Один», – снова думает Хьюго, и ему вдруг становится легче дышать.

Он поднимается с кровати, чтобы обнять Маргарет, и в горле встает ком. Они долго обнимаются, никак не решаясь отстраниться. Наконец он чмокнул ее в щеку и сказал:

– Я люблю тебя.

Маргарет отодвинулась, чтобы посмотреть на него, и Хьюго с улыбкой добавил:

– В какой-то мере.

– Слишком рано, – ответила она, но тоже улыбнулась.

Когда Маргарет ушла, Хьюго снова сел на кровать. В ушах раздавался гулкий стук, а внутри он ощущал странную пустоту. Час назад у него была девушка, а теперь нет. Это было так просто и одновременно так сложно.

Хьюго раскрыл голубой конверт. На вложенной внутрь записке аккуратным почерком Маргарет было написано: «С днем рождения, Хьюго!» Он откладывает ее в сторону, чтобы взглянуть на путеводитель, и сразу вспоминаются все их разговоры об этом путешествии. Маргарет дразнила его из-за длинных ног, обещая заказать место у прохода в самолете из Лондона (и это был бы его первый в жизни перелет), а он закатывал глаза, когда она болтала о том,

как они пойдут пить чай в отель «Плаза». «Мы живем в Англии, – говорил он. – И так скоро утонем в чае».

В Чикаго и Денвере у них были запланированы ночевки, а в Сан-Франциско они даже собирались провести пару дней, чтобы успеть до отъезда Маргарет в Стэнфорд. Теперь все это сложно представить, и Хьюго листает страницы, пытаюсь вообразить, насколько другой выйдет эта поездка.

И только теперь до него доходит, что на каждом листе бумаги стоит имя Маргарет. Он приглядывается. И правда, везде – и на железнодорожных билетах, и на бронях отелей, и даже на общем заказе от туристической компании – сверху напечатано: «Маргарет Кэмпбелл».

Хьюго опускает глаза на нижний край страницы с подтверждением их брони в отеле в Денвере и читает слова, напечатанные жирным шрифтом: «*Не подлежит возврату и передаче другому лицу*».

Он готов рассмеяться.

«С днем рождения меня», – думает парень. Хьюго уже тянется к своему мобильнику, чтобы позвонить в туристическую компанию и узнать, смогут ли они сделать исключение в его случае, как дверь распаивается и в комнату заглядывает Альфи.

В их шестерке только две пары идентичных близнецов: две его сестры, Поппи и Айла, и Хьюго с Альфи – точные копии друг друга, вплоть до зеленых крапинок в глазах. У них одинаковые ямочки на щеках, и у обоих немного торчат уши, один и тот же оттенок смуглой кожи и одинаково черные волосы. Пока что Хьюго чуть выше Альфи из-за того, что последний почти побрился наголо, а так они не различались. Разве только по характеру.

– Привет, чувак, – осторожно произносит Альфи, что для него совершенно необычно. Он заходит в комнату и закрывает за собой дверь. Но вместо того, чтобы плюхнуться на кровать рядом с Хьюго, он стоит и потирает затылок. – Так что, э-э-э...

– Ты видел Маргарет, – со вздохом говорит Хьюго.

Альфи явно испытывает облегчение.

– Да, мы ее видели.

– Мы?

Альфи открывает дверь. В коридоре стоят все остальные – четверо его братьев и сестер. Они робко вваливаются в комнату.

– Мне очень жаль, – бормочет Джордж, опускаясь на кровать и неуклюже похлопывая Хьюго по спине. У него мрачный вид, но с другой стороны, Джордж всегда выглядит мрачным – словно родившись самым первым, он в качестве бонуса приобрел чрезвычайную серьезность. – Отстой, да?

– Поверить в это не могу! – говорит Айла, разворачивая стул у письменного стола и садясь на него верхом. Она опускает подбородок на сложенные на спинке руки, в ее пылком взгляде читается забота. – Как она могла так поступить?

Хьюго улыбается им, но сам чувствует, насколько вымученной получилась эта улыбка.

– Все нормально, – отвечает он. – Я в порядке. Честно.

Поппи по-прежнему стоит у двери, рассеянно теребя кончики своих многочисленных косичек. Она скептически смотрит на брата, словно может видеть его насквозь. Хотя, собственно, так и есть.

– Хьюго.

– Правда, – снова говорит он. – Все будет хорошо.

Повисает молчание, и Хьюго разглядывает свои руки, чтобы не смотреть, как остальные обмениваются взглядами. Наконец Альфи пожимает плечами.

– Она все равно не особо мне нравилась, – говорит он, чем вызывает смех Хьюго, потому что все они обожают Маргарет. Если уж на то пошло, они всегда считали, что это он не ее поля ягода.

И вот один за другим остальные подхватывают.

– Точно, – поддерживает брата Оскар, нерешительно переминаясь с ноги на ногу у кровати Альфи. Ему ненавистны любые драмы. Обычно он предпочитает верить, что реален тот мир, в котором он живет в своих видеоиграх, но сейчас проводит рукой по своим скрученным в короткие спиральки волосам и ухмыляется. – Она была хуже всех.

– Настоящий монстр, – поддакивает Айла, пытаясь сохранить серьезное лицо.

– Помнишь, как она пролила на тебя коктейль, Поп? – спрашивает Джордж, и Поппи на мгновение замирает. Из всех них именно она больше всего общалась с Маргарет, и от Хьюго не ускользает, как сильно расстроена сестра. Но в конце концов та кивает.

– Я до сих пор не простила ее за это, – шутливым тоном отвечает она. – А теперь она точно не получит прощения.

Какое-то время их разговор продолжался в том же духе, и Хьюго изо всех сил старался улыбаться, хотя сам продолжал думать обо всем, что произошло, и о путеводителе, который держит в руках, но вдруг произнесенные Альфи слова порождают в его голове идею, и на ее основе выстраивается план.

– Не переживай чувак, – весело говорит Альфи, протягивая руку, чтобы хлопнуть Хьюго по плечу. – В мире есть и другие Маргарет Кэмпбелл.

Мэй

Мэй закрывает глаза ладонью и нажимает на кнопку воспроизведения, но, как только фильм начинается, не выдерживает и смотрит через пальцы. Знакомо нарастает музыка, появляется черный экран с небольшой надписью: «мэй дэй продакшн», а затем...

Девушка ударяет по клавиатуре компьютера, и окно исчезает.

Честное слово, это просто смешно! Она уже посмотрела этот фильм, наверное, раз тысячу – и даже не уверена, что сказать так было преувеличением. Всего лишь пару месяцев назад Мэй ликовала и ощущала головокружительную радость, представляя себе все те похвалы, которые вскоре должны были на нее обрушиться. Более того, она была уверена, что члены приемной комиссии Школы киноискусства при Университете Южной Калифорнии сочтут ее фильм гениальным. А как иначе?

Сколько Мэй себя помнит, все вокруг твердили ей, что у нее талант. В девять лет она сняла свою первую короткометражку (фильм в технике покадровой съемки о том, как маффин по имени Стив влюбился в бейгл по имени Бруно). В десять лет она стала проводить вечера, ошиваясь у видеоклуба старшей школы (причем делала это чрезмерно старательно, и ей даже в голову не приходило, что ее псевдодокументальный фильм о взрослых ребятах вряд ли тепло встретят). На одиннадцатый день рождения она получила свою первую профессиональную камеру (после угроз потратить на такую все свои сбережения) – прекрасный «Кэнон», цифровую зеркалку с 35-миллиметровым объективом с диафрагмой f/1.8.

До настоящего момента она жила своей страстью, решимостью и нежеланием мириться с отказом, привлекала в актеры своих друзей, сама искала места для съемок и смотрела ролики на *YouTube*, чтобы научиться новым хитростям. Теперь ей предстояло попасть в высшую лигу, когда она наконец получит профессиональное образование в одной из лучших кинематографических школ в мире – что было ее единственной мечтой.

Ей даже в голову не приходило, что эта самая школа не захочет ее принять.

Мэй стискивает челюсти и снова смотрит на экран. Она не может заставить себя посмотреть фильм с тех самых пор, как получила письмо. То самое, в котором ей сообщали, что она поступила в университет, но только не на кинематографический факультет. Но сейчас время пришло. Если ей когда-нибудь выпадет шанс поменять специализацию, она должна будет снять еще один фильм для собеседования. А в этом случае ей нужно понять, что не так с первым. Мэй не боится учиться на собственных ошибках и даже наоборот – отчаянно жаждет этого. Ей просто ненавистна мысль о том, что недавно казавшееся ей таким блестящим и заслуживающим похвалы теперь неизбежно будет восприниматься ею совершенно по-другому – болезненным набором изъянов и ошибок, более обидных, чем сам отказ.

Мэй стискивает зубы и нажимает кнопку воспроизведения. Но как только на экране появляется первая сцена – замедленная съемка облаков в один из чудесных весенних деньков в Хадсон-Вэлли на фоне такого синего-синего неба, что кажется, будто использовались специальные эффекты, – в дверь стучат.

Мэй слегка разворачивается, поправляя соскользнувшие очки.

– Да?

– Не хочешь спуститься и помочь мне с ужином? – спрашивает папа, заглядывая в комнату. – Ничего сложного, конечно. Мы все еще не отошли от грандиозного инцидента с картофельным пюре в прошлый вторник. Но ты сможешь заняться чем-нибудь вроде натирания сыра... – Он умолкает, заметив ее компьютер, на экране которого застыли облака.

– О! – восклицает отец, подходя ближе. – Мне нравится эта часть.

– Это не... – говорит Мэй, быстро захлопывая крышку ноутбука. – Я не...

Но слишком поздно. Папа присаживается на краешек ее кровати и, упираясь локтями в колени, наклоняется вперед, чтобы продолжить смотреть. Прямо сейчас, в лучах позднего солнца, просачивающихся сквозь окно, сходство Мэй и ее отца более чем очевидно. Они оба небольшого роста, с одинаковым набором веснушек, светло-русыми волосами и бледной кожей. Даже их очки имеют одинаковые диоптрии.

Когда Мэй родилась, ее отцы бросили монетку, чтобы решить, чью фамилию она будет носить. Ответ на более насущный вопрос – кто из них ее биологический отец – они договорились сохранить в тайне. Но чем старше она становилась, тем очевиднее становилось, чьи пловцы выиграли эту гонку. Второй ее отец – па – высокий, широкоплечий, со спортивной фигурой, иссиня-черными волосами и темно-голубыми глазами. Они с Мэй – полные противоположности. «Ну, – всегда говорит он, когда она спотыкается на ровном месте или тянется взять что-нибудь с верхней полки, – по крайней мере, я выиграл тот чертов жребий с монеткой».

Папа хлопает в ладоши.

– Давай же! – уж как-то слишком воодушевленно обращается он к Мэй. На нем фирменный твидовый пиджак, хотя сегодня в его расписании было лишь собрание кафедры. – Включай запись!

Мэй качает головой.

– Думаю, мне нужно сделать это в одиночестве.

– Ты права, – отвечает папа. – Конечно. Хочу лишь возразить, что...

– Ну вот, опять ты за свое!

– ...ты все лето пытаешься сделать это одна, и очевидно, тебе не удастся. Так что, возможно, немного моральной поддержки тебе не повредит.

Мэй раздумывает несколько секунд, потом разворачивается к ноутбуку и открывает крышку. Облака на экране едва уловимо начинают менять форму: сначала превращаются в кролика, потом в гитару, потом в волну. Мэй наклоняется и вновь останавливает видео.

– Нет. Прости. Не могу.

– Почему не можешь?

– Потому что, – отвечает она. – Мне нравится этот фильм. Или, по крайней мере, *нравился*.

– Ладно, давай будем считать, что он ужасен.

– Что?

– Представим, – продолжает папа, – что это самое ужасное из всего, что кто-либо когда-либо делал. Колоссальный провал в области кинематографии. Фиаско, которое едва можно вообразить.

Мэй растерянно моргает.

– И это ты называешь моральной поддержкой?

– Следуй за ходом моих мыслей. Я стараюсь.

– Ну ладно... согласна, возможно, это отстой. Будь это не так, я бы оказалась среди тех четырех процентов людей, которых приняли. Но меня среди них нет, и теперь я не знаю, смогу ли выдержать эту попытку – посмотреть свой фильм их глазами.

– Ага! – говорит папа. – Вот именно! Знаешь, как часто мои студенты презрительно фыркают, увидев картины, которые я показываю им на занятиях? «Профессор Уэбер, вы же понимаете, что это просто красный квадрат, правда? Я смог бы нарисовать такой даже во сне». Но дело в том, что такие ребята – ослы.

Мэй смеется.

– Ты пытаешься сказать мне, что люди, заседающие в приемной комиссии Университета Южной Калифорнии, – ослы?

– Он пытается сказать, что искусство субъективно, – говорит появившийся в дверном проеме па. Судя по костюму и галстуку, он только что вернулся из галереи. – То, что им не понравился твой фильм, еще не значит, что он настолько уж плох. И то, что они рассматривают его с другой точки зрения, не значит, что тебе нужно поменять свою.

– Вообще-то, – с улыбкой подхватывает папа, – я тоже говорил об ослах. Но у него получилось лучше.

Па качает головой, по-прежнему глядя на Мэй.

– Ты очень гордилась этим фильмом, – улыбаясь, продолжает он. – Не вижу причин, почему ты не можешь продолжать гордиться им.

Мэй снова переводит взгляд на ноутбук.

– Гаррет всегда говорит...

Оба ее отца приглушенно стонут.

– «Гаррет»! – передразнивает ее папа, так сильно закатив глаза, что Мэй боится, как бы они там не застряли. Она понимает, что он просто шутит, – они ведут себя так, какого бы мальчишку она ни привела домой. Но Гаррет ездит на ярко-красной машине и живет на элитной Парк-авеню, что еще больше их раззадорило.

Па отстраняется от косяка, входит в комнату и садится на кровать рядом с папой, касаясь его плечом.

– Разве он еще не вернулся в город?

Мэй познакомилась с Гарретом в самом начале лета. Они оказались двумя единственными зрителями на кинопоказе «Кинотеатр “Парадизо”»². Конечно же, она смотрела его уже миллион раз; это был один из любимых фильмов ее бабушки. Мэй считала его немного сопливым, но в то время бабуля лежала в больнице, и для девушки это было почти как молитва, как нечто благоговейное – сидеть в темном кинозале и смотреть на мигающий экран.

После сеанса Гаррет ждал ее в вестибюле, словно они договорились встретиться там. Блондин с квадратной челюстью – с такой внешностью субботний вечер он мог бы проводить где угодно: на вечеринке, на бейсбольном матче, а может, даже на какой-нибудь кинопремьере. Но вот он, сжимая под мышкой наполовину опустошенное ведерко с попкорном, вопросительно выгнув бровь.

– Ну как? Что думаешь?

Мэй, пойманная врасплох, внимательно посмотрела на него, а затем пожала плечами:

– Гениальный фильм, но слишком сентиментальный.

– Согласен, – задумчиво ответил Гаррет. – Но, по-моему, так задумано. Поэтому и работает.

– Но даже хорошо спланированные сантименты могут быть чересчур слащавыми.

– Только если они манипулируют нами, – возразил он. – А в этом случае все совсем не так.

Мэй, прищурившись, посмотрела на него.

– Так ты у нас, оказывается, кинокритик?

– Пока нет, но собираюсь им стать, – как ни в чем не бывало ответил Гаррет. – А кто ты? Эксперт в итальянском кинематографе?

– Пока нет, но собираюсь им стать, – с ухмылкой сказала Мэй.

Позже, выпив по несколько чашек кофе, они не только не пришли к согласию в отношении к фильму, но и умудрились вступить в ожесточенный спор по поводу своих любимых режиссеров – Мэй нравился Уэс Андерсон, а Гаррету Дэнни Бойл – и по еще как минимум десяти темам, связанным с кино. Мэй как раз произносила гневную тираду о нехватке в индустрии женщин-режиссеров, когда Гаррет наклонился и поцеловал ее. Она в изумлении отшат-

² Художественный фильм 1988 года итальянского режиссера Джузеппе Торнаторе.

нулась, высказала последнее замечание по поводу того, что эта статистика еще хуже в отношении цветных женщин, а потом поцеловала его сама.

Было понятно, что их роману не суждено долго существовать, и Мэй это вполне устраивало. Гаррет жил в городе, а сюда, в свой семейный огромный фермерский дом, приехал всего на пару месяцев, чтобы набраться сил перед отъездом в Париж, в Сорбонну, где он собирался изучать французское киноискусство.

«На французском», как сказал он тем вечером, и она сразу же поняла, что он ей совершенно не подходит. Но его ослепительная улыбка, слегка растрепанные волосы и предпочтения в фильмах вызвали в ней какую-то до нелепого щемящую тоску, и ей не терпелось провести с ним следующие шесть недель, споря обо всем на свете. Чем с тех пор они, собственно, чаще всего и занимаются.

– Он нравится тебе только из-за смазливой внешности, – говорит папа. – Потому что индивидуальности в нем ровно столько же, сколько в круассане.

Мэй склоняет голову набок.

– А что, в круассанах нет индивидуальности?

– Не знаю. Я просто пытался выдумать что-нибудь эдакое.

– И как кусок теста может быть...

– Ты прекрасно понимаешь, что я хотел сказать, – закатывая глаза, отвечает папа. – Ну, так что он сказал?

– Круассан?

– Нет же, Гаррет!

– Он говорит, что невозможно создать шедевр, если ты еще по-настоящему не пожил.

Папа фыркает.

– Полагаю, *он*-то уже пожил?

– Ну, он много где бывал. И вырос в городе. К тому же он будет учиться в Сорбонне.

– Поверь мне, – говорит папа, – там идиотов ровно столько же, сколько в любом другом месте.

– Послушай, он не совсем ошибается, – менее категоричным тоном подхватывает па. – После двенадцати лет работы в галерее я точно уяснил для себя одну вещь: иногда в искусстве совсем неважны мастерство или техника. Иногда самое главное для искусства – это *опыт*. Так что да, возможно, тебе еще стоит пожить и поучиться. Но это касается абсолютно всех и неважно, вырос ты в мегаполисе или в маленьком городке и будешь ли ты учиться в Сорбонне.

Мэй кивает.

– Знаю, и все-таки...

– Тебе трудно, – пожав плечами, говорит па. – Так и должно быть. Но все эти обиды, отказы, разочарование... Они помогут тебе вырасти как художнику. И оно того стоило, если ты сделаешь правильные выводы. Ты понимаешь все это не хуже меня. – Он кивает в сторону ее компьютера и слегка улыбается. – Ну, что скажешь? Посмотрим твой фильм еще разок? Как в старые добрые времена?

И Мэй уступает, побыстрее открывая ноутбук, чтобы опять не спасовать. Когда прошлой осенью она впервые показала им свой фильм, они ели попкорн, шутили и даже аплодировали ей местами. Но сейчас все трое сидят молча, и, когда фильм заканчивается, никто ничего не говорит, кажется, целую вечность.

Наконец Мэй разворачивается к сидящим на кровати отцам, они поднимают брови и ждут, когда она начнет.

– Хорошо то, – говорит девушка, – что я даже не знаю, что могла бы улучшить.

– А что плохо? – спрашивает папа.

Она пожимает плечами.

– Я не знаю, что могла бы улучшить.

– Ты поймешь, – говорит па, и это звучит словно обещание. На секунду Мэй даже представляет его таким, каким он когда-то был, – бедным художником, на чьей первой выставке продались всего две картины, и обе молодому профессору изобразительных искусств, который случайно проходил мимо и которого – как он всегда любит говорить – привлекли потрясающие сочетания желтого и зеленого и пленили голубые глаза па.

– А пока, – говорит папа, – тебе, думаю, стоит немного пожить. Тем более что скоро ты уедешь в колледж.

– Наверное, – отвечает Мэй, стараясь не думать об университетской брошюре, лежащей на ее столе, о всех тех занятиях на кинематографическом факультете, которые ей придется пропустить из-за уроков по математике и естественным наукам, о тех часах, которые она будет проводить за написанием эссе по Второй мировой войне, сонетам Шекспира и поведенческой психологии вместо того, чтобы совершенствовать себя в качестве режиссера.

– Но до этого – не могла бы ты накрыть на стол? – спрашивает па. – Если мы не сядем есть в ближайшее время, твоя бабуля оторвет мне голову.

Папа смеется.

– Если, конечно, ты уже отошла от разгрома ящика со столовым серебром в начале июня...

– Ненавижу вас! – говорит Мэй, но это всего лишь шутка. И ведь действительно, сейчас ей стало намного легче. Фильм теперь позади. И ее ждет еще столько всего!

Хьюго

Туристическая фирма впечатлила меня своей готовностью помочь.

– Внесенная предоплата за бронирование возврату не подлежит...

– Да, и я не могу передать билеты другим лицам, – говорит Хьюго уже в третий раз. – Я лишь надеялся, что вы сможете сделать исключение. Видите ли, все билеты бронировала моя девушка, но мы расстались, а я все равно хочу поехать и...

– Ваше имя Маргарет Кэмпбелл? – спрашивает представитель клиентской службы бесцветным, уставшим голосом.

Хьюго вздыхает.

– Нет.

– Ну вот, – отвечает девушка, и на этом разговор заканчивается.

Дома только Альфи и Джордж. Хьюго посвящает их в свой новый план, ожидая хоть какой-нибудь поддержки, но оба брата лишь ошарашенно таращатся на него.

– Ты псих, – говорит Альфи. – Шизанутый псих.

Джордж потирает выбритый затылок и скептически смотрит на Хьюго.

– Даже если найдется кто-то, кто так же сбрендил и согласится на все это, зачем тебе проводить целую неделю в обществе совершенно незнакомого человека?

– Точно! Ты все время бубнишь, как тебе тошно жить в одной комнате со мной, – говорит Альфи. – Но почему-то торчать целыми днями в одном купе с какой-то девчонкой ты не против?

– Хотя это все равно лучше, чем жить в одной комнате с тобой, – парирует Джордж, и Альфи бросает в него мячом для регби.

– Да я классный, – говорит он.

Хьюго не обращает на них внимания. Со стороны его план похож на безумие. Но есть одна объективная причина его осуществить: до того, как начать учебу в университете в компании своих пятерых братьев и сестер, он хочет провести неделю сам по себе. Конечно, разделить это время с кем-то незнакомым кажется малопривлекательным, но в данных обстоятельствах Хьюго не видит иного пути.

– Я все равно хочу поехать, – говорит он своим братьям. – И это единственный выход.

В конце концов они соглашаются помочь ему написать пост. Троица собирается вокруг ноутбука и остаток вечера придумывает самое странное в истории объявление, взрываясь время от времени хохотом. Хьюго приходится немного уступить Альфи – «По-моему, не лишним будет сразу сказать о том, где и как вы будете спать», – но он вынужден признать, что получилось в итоге неплохо:

«Всем привет!

Во-первых, я и сам понимаю, что все это немного странно, но тем не менее. После расставания со своей девушкой (это была не моя идея) я остался с утешительным призом: билетами на недельное железнодорожное путешествие из Нью-Йорка в Сан-Франциско. Но есть загвоздка: я не могу изменить имя моей бывшей на бронях и поэтому обращаюсь ко Вселенной с надеждой, что найдется еще одна Маргарет Кэмпбелл, которой вдруг захочется не только спасти меня, но и попутешествовать самой. Знаю, что вы можете подумать, но клянусь, я не псих. Я нормальный восемнадцатилетний парень из Англии и думаю, большинство людей опишут меня как славного малого (рекомендации предоставляются по требованию). Поезд отправляется с Пенн-Стейшн в Нью-Йорке 13 августа и прибывает в Сан-Франциско 19 августа.

Если вы предпочтете не сидеть со мной, я сделаю все возможное, чтобы решить эту проблему с туристической фирмой. Если честно, мне просто нужно сесть в поезд с кем-то по имени Маргарет Кэмпбелл, а остальное уже зависит от вас. Придется ночевать в купе с двухэтажными кроватями (с этим уже ничего не поделаешь), но по дороге еще забронированы номера в отелях Нью-Йорка, Чикаго, Денвера и Сан-Франциско, которые вы можете оставить за собой. Я не против найти себе другое место, где остановиться. Я прошу лишь об одном – потерпеть меня рядом только тогда, когда нужно будет садиться в поезд. Остальные детали обсудим потом. Так что если вас зовут Маргарет Кэмпбелл и вы готовы к приключениям, пожалуйста, напишите мне на почту HugolsNotANutter@gmail.com³ и ответьте в письме на следующие три вопроса (если претендентов будет несколько, я выберу одну по ответам):

Ваша заветная мечта?

Чего вы больше всего боитесь?

Какую самую важную для вас вещь вы возьмете с собой в поезд?

Удачи всем Маргарет Кэмпбелл – я рассчитываю на вас!

Пока!

Хьюго У.»

Они уже почти закончили, когда услышали, что мама зовет их спускаться к ужину. За окном спальни над садом повис туман, расцвеченный золотистыми бликами заходящего солнца. Хьюго захлопывает крышку ноутбука, но Альфи снова открывает его.

– Ты не опубликовал пост.

Хьюго бросает взгляд на загоревшийся экран.

– После ужина.

– Это тебе не домашнее задание, – поддразнивает его Джордж. – Нечего перечитывать по тысяче раз.

– Знаю, я...

Альфи хмурится.

– И в этом весь Хьюго – снова тянет кота за хвост.

– Я не... тяну кота за хвост. Просто мне нужно еще немного все обдумать.

Джордж с важным видом кивает.

– Вот-вот, точно, в этом весь Хьюго.

– Слушай, – поднимаясь, говорит Альфи, – знаешь, я считаю это совершеннейшим безумием...

Хьюго ждет продолжения.

– И?

– И ничего. Все. Я считаю, что все это безумие. – Альфи ухмыляется, выходя из комнаты. – И именно поэтому ты должен это сделать.

Когда братья уходят, Хьюго еще раз просматривает объявление, держа палец над клавишей, которая отправит его в мир. Но он никак не может заставить себя ее нажать. Что, если никто не откликнется? А что делать, если кто-то все-таки ему напишет? Что, если он вдруг выберет серийного убийцу? Или, что еще хуже, какую-нибудь болтушку? Что, если пост увидит *его* Маргарет? Или родители узнают?

Чуть раньше, еще до того, как все разошлись по своим послеобеденным делам, Айла отправила в их групповой чат вопрос о том, кто должен рассказать новости о Маргарет папе с мамой. «Полагаю, Хьюго не захочет делать это сам», – добавила она, и это было верное предположение. Он уже так давно встречался с Маргарет, что она стала частым гостем в доме Уилкин-

³ ХьюгоНеПсих (англ.).

сонов, и Хьюго представить себе не мог, как рассказать обо всем родителям, которые просто обожали ее. Честно говоря, они так сильно ее любили, что, как он подозревал, могли рассердиться на него из-за того, что он позволил ей с ним расстаться.

«Любой из вас, кроме Альфи», – полушутя написал он в ответ, и в конце концов это сделали Айла и Джордж – двое самых серьезных и надежных из всех них. Но теперь, стоило Хьюго войти в кухню, где его встретили аромат карри с курицей (его любимое блюдо) и мамин сочувственный взгляд, он задумался о том, что, возможно, все-таки стоило выбрать Альфи. Только он смог бы обернуть все в шутку, и, наверное, удалось бы пропустить эту неприятную часть.

– Как ты, дорогой? – спрашивает мама, вставая на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку. Она почти на тридцать сантиметров ниже всех своих детей – миниатюрная женщина со светлой кожей и непослушными волосами, отчего ее можно было принять за слегка чокнутую дамочку, если бы не решительные складки вокруг рта. Когда его родители узнали, что ждут шестерняшек, именно она решила, что они должны подойти к этому творчески, и с самого момента рождения детей начала вести блог об их жизни. В один прекрасный день все это вылилось в книгу о воспитании, потом еще одну, и так о их жизни вышла целая книжная серия. И хотя Хьюго все эти книги казались ужасно унизительными, они позволяли семье из восьмерых человек держаться на плаву, что было бы трудно делать на одну учительскую зарплату его отца.

Хьюго охватывает паника. Его мама, которая все время находится в движении и носится, словно в ускоренном режиме, сейчас пронизательно смотрит на него со слезами на глазах. Ему приходит в голову, что она может попытаться начать разговор о расставании прямо здесь, на кухне, поэтому он неловко треплет мать по плечу и как можно быстрее обходит ее.

– Я в порядке, мам. Правда.

Она как будто хочет сказать еще что-то, но плита издает сигнал, и, бросив на Хьюго обеспокоенный взгляд, мама бросается к духовке, чтобы вытащить противень с чесночным хлебом, еще одним его любимым блюдом.

Входит папа в своей футболке с логотипом «Тоттенхэм Хотспур», и Хьюго не может удержаться от смеха – он понимает, что все это ради него, потому что Маргарет всегда была яростной болельщицей «Арсенала»⁴. К его облегчению, отец лишь подмигивает ему и, достав из шкафа тарелки, принимается накрывать на стол.

Когда все готово, Хьюго проскальзывает на свое обычное место между сестрами. Айла шутливо толкает его плечом в плечо, а Поппи корчит ему рожицу.

– Ну что, – начинает папа, проводя рукой по своей блестящей черной голове. Хьюго уже и вспомнить не может, когда видел отца с волосами. Лысина стала такой же неотъемлемой его частью, как и улыбка, от которой папино лицо начинает сиять и показываются ямочки на щеках, тогда он становится похожим на молодого парня и легко может сойти за еще одного брата Уилкинсона. В первый учебный день в начальной школе Хьюго наблюдал, как остальные дети попадали под обаяние этой улыбки и тянулись к его отцу, словно цветы к солнцу. Тогда он ощутил невероятный прилив гордости, и когда вечером побежал обнимать пришедшего за ним папу, то в голове неудержимо стучало лишь одно слово: «Мой».

– Рассказывайте, что у вас новенького, – говорит отец, как он делает это каждый вечер, и Хьюго быстро опускает глаза. Но ему нет нужды волноваться. Альфи весело трещит о своем матче по регби, у Поппи новая история о ее летней работе в кинотеатре; Оскар немного продвинулся в разработке своего футбольного приложения, а Айла ходила в парк со своим бойфрендом Ракешем. Джордж, чья одержимость телешоу «Лучший пекарь Британии» привела

⁴ «Тоттенхэм Хотспур», «Арсенал» (*англ.* Tottenham Hotspur, Arsenal) – английские профессиональные футбольные клубы из Лондона, выступающие в Премьер-лиге.

его к работе в местной пекарне, целый день учился готовить лимонные пироги с безе и, что самое главное, принес один такой домой на десерт.

– Надеюсь, ты не засунул в него пенни? – спрашивает Поппи, и Джордж бросает на нее испепеляющий взгляд.

– Это было всего лишь раз, – бурчит он себе под нос.

– Но, – не успокаивается Поппи, – хватило и его...

И тут все машинально смотрят на Хьюго. А затем так же быстро отводят глаза, изо всех сил стараясь делать вид (правда, не очень удачно), будто сейчас совсем не его очередь рассказывать и будто бы его новости не настоящая сенсация.

– Честно говоря, мне тоже есть что вам рассказать, – говорит он, и вся семья в изумлении поворачивается к нему. – Несмотря на, э-э-э, последние события, я решил, что все равно поеду в Америку.

Стоит отдать им должное, никто не стал расспрашивать его о «последних событиях». Папа лишь вопросительно поднимает брови. Мама поджимает губы и перемещается на краешек стула. Альфи произносит: «Вот молодец!» – и протягивает через стол кулак, чтобы стукнуться с ним. Но сразу же, почувствовав настроение за столом, медленно убирает руку.

– Маргарет пожелала, чтобы билеты остались у меня, – продолжает Хьюго, посчитав, что будет лучше не вдаваться в объяснения, насколько бесполезными они могли для него оказаться, – так что я хотел бы поехать.

– С кем? – как-то уж слишком спокойно спрашивает мама.

Хьюго старается не встречаться взглядом с братьями или сестрами.

– Один.

– Большое путешествие для одного, – продолжая оставаться беспристрастным, замечает папа. – Ты в Лондон-то один никогда не ездил, что уж говорить про другую страну.

– Мне уже восемнадцать, – напоминает Хьюго. – И если бы мы... если бы нам... короче, я с таким же успехом мог бы сейчас уехать учиться в какой-нибудь университет. Так что не вижу разницы.

– Если честно, разница есть – ведь ты и метра пройти не можешь, чтобы не потерять ключи или кошелек, – говорит мама, одновременно извиняющимся и раздраженным тоном. – Я люблю тебя, Хьюго, и ты очень умный мальчик, но еще ты слишком уж часто витаешь в облаках.

Хьюго открыл было рот, чтобы возразить, но он прекрасно понимал, что она права. Когда Хьюго был маленьким, мама даже называла его Паддингтоном⁵, потому что он то и дело терялся, отставая от всей их компании.

– Пора начинать прикалывать к твоему свитеру записку, – говорила она с побелевшим от волнения лицом, когда наконец находила его под вешалками с одеждой в «Маркс энд Спенсер» или в совершенно другом отделе их местного «Теско». – «Пожалуйста, присмотрите за этим медвежонком».

В шапке маминого блога даже висит баннер с их шестеркой, они на нем идут от самого старшего к самому младшему (что, честно говоря, совершенно нелепо, потому что разница во времени их рождения – всего восемь минут). Они следуют друг за дружкой из левой части страницы в правую. Первым лихо вышагивает Джордж, закинув на плечо удочку. За ним, с ухмылкой на лице и футбольным мячом под мышкой, шествует Альфи. Следом вприпрыжку спешит неугомонная Поппи, а потом ленивой походкой двигается через экран Оскар, что-то насвистывая. Позади него, уткнувшись носом в книгу, семенит Айла. А потом идет Хьюго, самый последний, вечно отстающий и постоянно пытающийся догнать своих братьев и сестер.

Ему никогда не нравилась эта картинка.

⁵ Медвежонок Паддингтон, персонаж одноименной сказки Майкла Бонда.

– Дорогой, – уже нежным голосом продолжает мама, – ничего страшного, что ты гредишь наяву, но только если здесь. Я буду слишком переживать, если ты окажешься сам по себе где-нибудь в Нью-Йорке или Сан-Франциско. По правде сказать, ты не совсем...

– В состоянии отвечать за себя, – подсказывает Поппи.

– Готов, – предлагает свою версию Оскар.

– Благоразумен, – подмигивая Хьюго, говорит Айла.

– Красивый, – говорит Альфи. – Простите, а мы сейчас вообще о чем?

Мама не обращает на них внимания.

– Ты можешь взять с собой кого-то из них, разве нет?

– В том-то и дело, – отвечает Хьюго, чувствуя, как у него горит лицо. Он понятия не имеет, как рассказать родителям про лишний билет, не выдав при этом своего плана разыскать другую Маргарет Кэмпбелл. Его братья и сестры, конечно же, в курсе затеи. И они поддерживают его. Но они не подозревают того, что даже если бы Хьюго мог взять с собой любого, кого захотел бы, то меньше всего на свете ему бы хотелось выбрать себе в спутники кого-то из них. Но его братья и сестры были тут абсолютно ни при чем. Впервые в жизни Хьюго думает только о себе.

– Я хочу сбежать ненадолго, – говорит он, и в его голосе сквозит отчаяние. – Узнать, каково оно – быть самому по себе. Особенно если учесть...

– Что вы будете все вместе учиться в университете, – заканчивает за него папа, и Хьюго бросает на него благодарный взгляд. Он все лето только и делал, что старался не произнести это. Остальные тоже могли поступить куда угодно, но только у него одного всегда были отличные оценки, и поэтому его братья и сестры позволяли ему горевать об отсутствии других вариантов. Но он никогда не говорил – и не позволял себе даже думать, – что дело было и в них.

– Не то чтобы я не рад этому, – слабым голосом говорит Хьюго, переводя взгляд с Альфи на Оскара, а с Оскара на Джорджа, рядом сидящих за столом напротив него и наблюдающих за ним с непроницаемыми лицами. – Вы же знаете, как сильно я... ну, вы, ребята, моя... – Он поворачивается к Поппи, которая, скривив рот, ждет продолжения. Айла, сидящая по другую его руку, смотрит в свою тарелку. – Мы всегда были одной командой.

– И теперь ты мечтаешь о том, чтобы тебя перевели в другую? – спрашивает Джордж. Его голос звучит нарочито небрежно, но Хьюго все равно чувствует его жесткость. Когда они были маленькими, папа шутил, что Джордж как пастушья собака – всегда приглядывает за остальными и следит, чтобы они были вместе. Он воспринимал этот грант на обучение не как свой долг, а как неожиданное везение. Возможность продолжать двигаться по жизни так, как они привыкли, – одним целым.

Хьюго качает головой.

– Совсем нет! Просто... Неужели я единственный, кто задавался вопросом, каково будет... – Он не заканчивает мысль, зная, что они поняли его. Они всегда его понимали. Но даже если кто-то из них и был с ним согласен – даже если кто-то из них хотя бы капельку поддерживал его, – это было незаметно. Они с бесстрастным видом наблюдали за ним, и на их лицах обида сменялась оскорблением, чтобы потом проявиться раздражением.

Хьюго с трудом глотает ком в горле, ощущая замешательство. Но тут ему вспомнились слова Альфи про то, как он вечно тянет кота за хвост, и Хьюго решил не отступать.

– Дело в том, что я и представить не могу, как окажусь где-то без вас, – говорит он, и это самая что ни на есть правда. – И именно поэтому я должен узнать, каково это. Пусть даже всего на неделю.

На мгновение все затихает, даже Альфи. Наконец папа кивает.

– Тогда тебе и правда стоит поехать, – просто говорит он, а мама, сидящая в другом конце стола, вздыхает.

– Постарайся не потерять свой паспорт, – говорит она. – Как бы то ни было, мы бы предпочли, чтобы в конце концов ты вернулся домой.

Мэй

За завтраком бабуля рассказывает историю о парне, с которым встречалась, когда ей было восемнадцать.

– Его отец был принцем, – говорит она, добавляя в свой кофе немного сахара, – а его мать – барышней из высшего общества. Он был *очень* красив и возил меня на первоклассные вечеринки Нью-Йорка. Как-то раз мы протанцевали аж до пяти утра. А потом он поцеловал меня на углу улицы в тот самый момент, когда пошел дождь. Это было невероятно романтично.

– Мам, – глядя на нее поверх газеты, говорит па, – не встречалась ты ни с каким принцем! Бабуля подмигивает Мэй.

– А я и не говорила, что встречалась. Я сказала, что его *отец* был принцем. А он решил уйти из семейного дела.

– Похоже, Мэри, он был замечательным парнем, – с серьезной миной говорит папа, и бабуля бросает в него свернутую в шарик салфетку. Он ловит ее и бросает обратно.

– Эй вы, двое, хватит! – с утомленным видом одергивает их па. Когда этой весной его мать переехала к ним, любой прием пищи – по крайней мере в те дни, когда она была в силах присоединиться к ним за столом, – превращался в поединок, во время которого папа с бабулей обменивались беззлобными подначками. Однажды во время обсуждения достоинств зеленого чая они вдруг стали настолько пугающе похожи, что па наклонился к Мэй и прошептал: «По-моему, я женился на собственной матери».

Мэй доедает хлопья и споласкивает миску в раковине.

– Что ж, – весело говорит она, разворачиваясь к остальным, – я уйду.

– А как же галерея? – нахмурившись, спрашивает па. Она работала там несколько дней в неделю, и в ее обязанности входило упаковывать коробки, отвечать на телефонные звонки и болтать со случайными посетителями, которые приехали из города и притворялись, что вот-вот купят одну из картин, а минуту спустя отправлялись в антикварную лавку по соседству и проделывали тот же трюк с какой-нибудь старинной лампой.

– Ну, я подумала, что смогу прийти в другой день. – Мэй изо всех сил старается избежать смотреть им в глаза. – Просто Гаррет после обеда уже уезжает, так что...

К ее удивлению, все сидят с довольными лицами.

– Что же ты сразу не сказала? – с широкой улыбкой спрашивает папа. – Конечно, иди! Мы не посмеем его задерживать. Ни на одну лишнюю минутку...

– Передай ему наши наилучшие пожелания, – как всегда дипломатично вставляет па.

– По-моему, это так мило! – говорит бабуля, и в ее глазах появляется то же мечтательное выражение, как когда они с Мэй смотрят старые фильмы. – Драматичное расставание!

– Уверена, обойдется без драм, – отвечает ей Мэй. – Мы с самого начала знали, что наши пути разойдутся.

– Что не делает вашу историю менее романтичной, – сияя улыбкой, возражает бабуля. Она одета в голубой шелковый халат и кажется в нем такой крошечной, буквально утопает в складках материи. Курс химиотерапии, который ей пришлось пройти этой весной – причем настолько интенсивный, что она провела в больнице больше месяца, – казалось, выжал из нее все силы. Однако лечение помогло, и сейчас, когда кто-нибудь высказывается о том, как сильно бабуля потеряла в весе, она лишь широко улыбается.

– Должно быть, там было очень много рака.

Мэй же порой бывала обескуражена, когда слышала, как бабушка шутит на эту тему. Она знала, что они чуть было не потеряли ее тогда. Когда Мэй была маленькой, некоторые одноклассники спрашивали ее, бывает ли так, что ей не хватает мамы, но у нее всегда был готов

на это резкий ответ. «У меня двое пап, – отвечала она, сверкая глазами. – И готова поспорить, они оба получше твоего».

Но это была лишь половина правды. Другая заключалась в том, что у нее была бабуля.

Каждое воскресенье они ездили в Нью-Йорк, чтобы пообедать с ней в ее солнечной квартире в одном из таунхаусов в Верхнем Вест-Сайде. Там было полно накопившихся за долгое время безделушек, но когда Мэй спрашивала бабушку о конкретной вещице, бабуля всегда отвечала предельно коротко: «Я вела большую жизнь на этом маленьком острове. Думаешь, меня заботило барахло?»

Бабуля была важна Мэй совсем не из-за того, о чем думается в первую очередь. Ее отцы прекрасно могли помочь ей с выбором одежды или рассказать о «тычинках и пестиках». Но как же было здорово пить чай на бабулином диванчике у окна, смотреть с ней старые черно-белые фильмы и слушать истории из ее прошлого. И неважно, что порой в них было трудно поверить («Невозможно, чтобы она распивала коктейли с Джоном Ф. Кеннеди!» – раздраженно сказал бы па). Дело было не в этом – а в том, что у Мэй была бабуля, и точка.

Как будто на их орбите существовало дополнительное солнце, неиссякаемый источник тепла и энергии. Они – Мэй, папа и па – были одним созвездием, но оттого, что где-то рядом всегда была бабуля, их маленькая вселенная казалась цельной.

Сейчас, когда бабуля смотрит на Мэй поверх своей кружки с кофе, ее глаза лучатся радостью.

– Ступай и повеселись на свидании. Я точно знаю, что девушке твоих лет приключения не помешают.

– Главное, чтобы их было не *слишком* много, – подхватывает папа, когда Мэй берет свою сумку и идет к двери, помахав им через плечо.

– Вернись поздно.

– Только не *слишком* поздно! – кричит ей вдогонку папа.

Выйдя из дома, Мэй срезает путь через соседский двор, петляет по улочкам и скоро оказывается на окраине городка. У входа в сырную лавку она замечает Гаррета, уткнувшегося в телефон. Он поднимает голову, и, посмотрев на его взъерошенные волосы и ослепительную улыбку, Мэй чувствует легкое сожаление из-за того, что скоро все закончится. Но это совсем не похоже на то, что описывала ее лучшая подруга Прианка, когда на прошлой неделе прощалась со своим парнем Алексом, который уехал учиться в Дьюкский университет, – как будто их души разрывало на части. Лето, проведенное Мэй с Гарретом, было смесью из споров и поцелуев, и пусть и те и другие были жаркими, но все же не затронули ее душу.

– Привет, – говорит ей Гаррет, целуя в щеку, и они отправляются в путь. – Как оно?

– Ты про что?

– Про фильм. По-моему, ты собиралась пересмотреть его.

– Ах, это, – унылым голосом отзывается Мэй. – Да, пересмотрела, но не помогло.

– Правда? И у тебя по-прежнему нет идей, что могло быть не так?

– Нет. И это *непонимание* просто убивает меня.

Гаррет останавливается и разворачивается к ней.

– А если я посмотрю?

– Ни за что, – отвечает Мэй и продолжает идти. – Нет.

– Но я же кинокритик.

Она закатывает глаза.

– Аккаунт в «Твиттере» еще не делает тебя кинокритиком.

– Ладно, но скоро я им буду, – говорит он, переходя на бег, чтобы догнать ее. – И я выскажу тебе свое честное мнение. Тем более что ты доверяешь моему вкусу, так что...

Теперь останавливается Мэй.

– Вообще-то не доверяю. У тебя ужасный вкус. Тебе нравится все пафосное и перегруженное деталями. И ко всему прочему, все твои любимые режиссеры – мужчины, а это отстой.

– Но это же не моя вина, – говорит Гаррет, и его глаза загораются, потому что ему нравятся конструктивные споры. Им обоим нравятся. – Дело в самой индустрии. И это даже хорошо, что у нас разные вкусы. – Он на секунду умолкает. – Ведь очевидно, что вкусы приемной комиссии тоже с твоими не совпадают.

Мэй гневно смотрит на него, и он поднимает руки.

– Я лишь хотел сказать, что тебе нужны ответы, а у меня есть свое мнение.

Они уже почти подошли к реке и спускаются вниз по холму к клену, под которым провели большую часть лета, споря о фильмах и целуясь до тех пор, пока не опухали губы. Оказавшись у дерева, Гаррет опускается на свое обычное место, но Мэй продолжает стоять. Она достает из заднего кармана телефон и открывает файл с фильмом.

– Держи, – протягивая Гаррету мобильник, говорит она.

– Ты серьезно? – забирая его, спрашивает он.

Мэй чувствует себя так, словно отдает ему сейчас крошечную частичку самой себя.

Ей хочется попросить его быть с ней помягче, но девушка молчит, потому что она не какая-нибудь неженка.

Фильм длится восемнадцать минут, и Мэй не в силах усидеть на месте, пока Гаррет смотрит его. Она ходит вдоль берега грязной реки и возвращается, когда подходит время. Гаррет по-прежнему сидит, опустив голову над телефоном, но, когда Мэй садится рядом с ним, поднимает на нее глаза. Выражение его лица трудно прочесть.

– Ну что? – спрашивает Мэй, и ее голос звучит даже слишком беззаботно.

– С технической точки зрения, – отвечает Гаррет, – по-моему, это гениально.

Мэй смотрит на него нахмурившись.

– В смысле?

– Ты классный режиссер, – совершенно серьезно говорит он. – Не понимаю, как ты умудрилась снять некоторые ракурсы. А тот переход ближе к концу? Ты чертовски талантлива, и твой фильм просто великолепен!

Но Мэй чувствует, что последует продолжение, словно Гаррет уже произнес это слово.

– Но?

– Хочешь честно?

– Конечно! – У Мэй пересыхает во рту.

Гаррет морщит лоб.

– Ну, он просто... он какой-то безличный.

– Безличный? – оторопело повторяет за ним Мэй. Она была готова к тысяче любых критических замечаний. Но точно не к «безличному».

Из всех фильмов, которые она когда-либо создавала, именно этот был ближе всего к ее жизни. Пусть в главной роли был другой человек – девчонка из школы, которая становилась звездой любой театральной постановки и хотела взять эту съемку для собственного проморолика, но все остальное в фильме было от Мэй. Она рассказывала свою историю всем, кто пожелает смотреть.

– Этот фильм о девушке, у которой двое отцов и которая живет в Хадсон-Вэлли, – довольно резко отвечает девушка Гаррету. – Что может быть более личным?

– Я знаю, что он *о тебе*. Это более чем очевидно. Проблема в том, что я не *почувствовал* в нем тебя.

– Что ж, – натянуто отвечает Мэй, – значит, ты совсем меня не знаешь.

Гаррет выглядит удивленным.

– Может, и не знаю. Но разве это моя вина?

Мэй хочется рассмеяться, но смех застревает в горле. Раньше никто никогда не обвинял ее в закрытости. И вообще, она никогда не боялась говорить откровенно. В восемь лет она появилась в мэрии, где правил балом член конгресса, и произнесла пламенную речь в защиту однополых браков. Когда же они наконец были официально разрешены в штате Нью-Йорк, Мэй отправила ему открытку с подписью: «Не благодарю вас». Как-то раз она разняла двух дерущихся посреди улицы мальчишек, в результате чего и сама осталась с синяком под глазом. А еще она часто заглядывает в раздел комментариев своего любимого киноканала и пишет эмоциональные ответы всем тем идиотам, которые видят угрозу в женских ремейках их любимых фильмов детства.

Короче говоря, замкнутой Мэй не назовешь.

Гаррет искоса поглядывает на нее, стараясь придумать, что сказать.

– Да ладно тебе, Мэй! Мы же оба знаем, что у тебя плохо получается...

– Что именно? – сердито спрашивает она.

Помолчав, он пожимает плечами.

– Открываться людям.

– Это неправда!

– Вот видишь? Если ты даже сейчас не можешь взглянуть на себя со стороны, то как ты сделаешь это в своих фильмах?

На секунду в его глазах мелькает высокомерие, и Мэй вдруг понимает, о чем все лето талдычили ее отцы. Но вот выражение лица Гаррета смягчается, парень протягивает ей руку, и она собирается с духом, выжидая, что он сейчас скажет ей. И вполне возможно, это будет как раз то, к чему ей совсем незачем морально готовиться.

– Нет сомнений, что ты очень талантлива. Но просто хороший фильм отличается от шедевра не сменой кадров и классными техническими решениями. Важнее то, как ты раскрываешься перед людьми.

Мэй открывает рот, чтобы поспорить с ним, но Гаррет быстро продолжает:

– Мы оба знаем: тебе есть что сказать, – говорит он и улыбается ей несмотря на то, что она выдергивает свою руку из его. – Надо лишь найти свой собственный путь и заявить о себе.

– Так я и сделала.

Гаррет качает головой.

– Нет. Пока нет.

– Но...

Он поднимает руку.

– Прежде чем говорить мне, что я не прав, просто подумай чуть-чуть об этом, ладно? Смысл критики в том, чтобы помочь человеку стать лучше, что, собственно, я и пытаюсь сделать.

– Ладно, – не без усилий соглашается Мэй. – Тогда... спасибо. Наверное.

– Всегда пожалуйста, – великодушно отвечает Гаррет и опускает глаза на ее телефон, который по-прежнему держит в своей руке. – О, и пока я смотрел твой фильм, написала Приянка. Я хотел убрать ее сообщение, но случайно открыл ссылку, которую она прислала.

Мысли Мэй еще заняты фильмом, но она забирает у него телефон и недоуменно тарасит на экран с открытой незнакомой ей социальной сетью.

– Судя по всему, один парень ищет Маргарет Кэмпбелл, которая согласилась бы отправиться с ним в путешествие на поезде, – наклоняясь, чтобы прочитать текст, говорит Гаррет. – Бред, правда? Но имя похоже на твое.

– Это и *есть* мое имя, – бормочет Мэй, пробегая глазами сообщение.

Он пожимает плечами.

– Уверен, это какой-то старик-извращенец так пытается с кем-нибудь познакомиться.

Мэй его слова приводят в бешенство, хотя она и сама не понимает почему. Может, Гаррет прав. Но что-то в том, как написано объявление, заставляет ее в него поверить.

– Интересно, и кто согласится поехать? – продолжает Гаррет. – Это же будет чистое безумие.

– Считаешь? – спрашивает Мэй, поднимая на него глаза.

– Поехать куда-то с совершенно незнакомым тебе человеком? – словно не веря своим ушам, говорит он. – Конечно! К тому же здесь самые отвратительные в мире поезда. Другое дело Европа! Думаю, что начну с Амстердама. И уже в следующем месяце.

– Круто, – отзывается Мэй, хотя сама едва его слушает. Она снова внимательно перечитывает пост. «Так что если вас зовут Маргарет Кэмпбелл и вы готовы к приключениям...»

Гаррет наблюдает за ней, и выражение его лица меняется.

– Ты же не думаешь об этом всерьез, – начинает он фразу неуверенно, но заканчивает категоричным тоном, как будто хочет донести до Мэй, насколько это абсурдно: – Неделя в поезде с каким-то случайным чуваком?

– Ты же не ревнуешь, правда? – поддразнивает его девушка, но выражение его лица подсказывает ей, что она права. Мэй придвигается ближе, касаясь его своими коленками, и серьезно смотрит ему в глаза. – Я думала, мы решили...

– Решили, – быстро отвечает Гаррет. – Но мне скоро уезжать, и я просто...

– Знаю, – говорит Мэй, хотя понятия не имеет, о чем говорит. Она снова думает о том, что чувствовала Приянка, когда уезжал Алекс, о бесчисленных часах в слезах, о бесконечных сообщениях, которые они писали друг другу, чтобы преодолеть внезапно возникшее между ними расстояние. Мэй ничего такого к Гаррету не чувствовала, и внезапно ей вспомнились его недавние слова: «Мы оба знаем, что у тебя плохо получается открываться людям».

Мэй охватывает какое-то незнакомое чувство, напоминающее сомнение.

– Наверное, ты права, – говорит Гаррет, но смотрит на нее с таким видом, как будто хочет, чтобы она возразила ему. – На следующей неделе я отправляюсь в Париж, ты будешь в Калифорнии, так что да, вряд ли бы мы смогли...

Он ищет подходящие слова, но никак не может их подобрать, тогда как Мэй прокручивает в голове целый список вариантов: «сохранить наши отношения надолго», «найти подход друг к другу», «испытать друг к другу серьезные чувства», «влюбиться».

Она на секунду закрывает глаза, пытаясь пробудить в себе нечто большее, чем чувствует сейчас – легкую печаль от того, что им придется расстаться. Но как бы Мэй ни старалась, ничего не получается.

– Это было классное лето, – взяв Гаррета за руку, говорит девушка.

Он кивает.

– Что ж, пришло время двигаться дальше.

Несколько секунд они смотрят друг на друга, и в глазах Гаррета появляется огонек.

– Но у нас еще есть несколько часов, – с ухмылкой говорит он и подается вперед. Мэй скорее на автомате целует его в ответ, потому что мысленно она уже далеко и думает о том, что ждет ее дальше.

Хьюго

Хьюго понимает, что не может выбрать эту девушку. Не может, и все. Он только что расстался с Маргарет, и вскоре ему придется делить пространство с той, на ком он остановит свой выбор. Нет смысла усложнять и так уже непростую ситуацию. Он это понимает. Честно.

Но все же пересматривает ее видео уже в третий раз.

– Ну вот, – говорит голос за камерой, которая отодвигается назад, демонстрируя длинный ряд похожих на коробки витрин и тихую улицу. – Здесь я прожила всю свою жизнь.

Именно то, с каким чувством она произносит последнее предложение, заставило его замереть, когда он смотрел ролик в первый раз.

Она отвечает на его вопросы, гуляя по городку, но это видео не назовешь обычным. Оно похоже на маленький фильм, в котором кадры быстро сменяют друг друга. В самом конце девушка разворачивает камеру, и перед объективом предстает круглое светлокожее лицо с россыпью веснушек на носу. Ее каштановые волосы убраны в высокий хвост, а за очками сияют голубые глаза.

– Меня зовут Мэй Кэмпбелл, – с легкой улыбкой говорит она. – И как вы уже можете догадаться, мне отчаянно нужны приключения.

В дверь тихо стучат, и Хьюго торопливо закрывает окошко с видео. Спустя секунду в комнату входит его папа, держа в руках кучу чистого белья.

– Слышал, у вас тут авария с носками, – говорит он, кидая кучу на кровать Альфи.

– По-моему, выход найден. – Хьюго разворачивается на своем стуле. – Он носит одну и ту же пару с четверга.

– Позаимствовал бы свежие у тебя, нет?

– Видимо, мои не такие счастливые.

– А, ясно, – говорит папа и садится на кровать Альфи рядом с бельем. Вдоль его подбородка темнеет щетина, и он проводит по ней рукой, серьезно глядя на Хьюго. – Знаешь, я хотел поговорить с тобой. Мне не давало покоя то, что ты тогда сказал за ужином. По правде говоря, я был единственным ребенком и всегда мечтал...

– О большой семье, – заканчивает за него Хьюго.

Папа смеется.

– Похоже, я уже рассказывал вам эту историю.

– Пару раз, – отвечает Хьюго, но без раздражения. Папин папа умер, когда тот был совсем маленький, и его маме приходилось работать на трех работах, чтобы прокормить семью. Вечерами, когда компанию ему составлял лишь телевизор, он играл сам с собой, воображая, что у него полно братьев и сестер.

– У нас почему-то было восемь тарелок, – снимая очки и потирая глаза, говорит папа. – Наверное, нужно было покупать сразу комплект. Я расставлял их на нашем крошечном столе и притворялся, что скоро мы все вместе сядем ужинать. Жалкое было зрелище, что уж говорить. Но именно поэтому мне так нравится накрывать на стол сейчас.

– Эту часть ты мне раньше не рассказывал, – говорит Хьюго, и папа улыбается ему. Сложно поверить, но этот мужчина каждому из своих шести детей улыбается по-особенному.

И эта улыбка – для Хьюго.

– То, что для каждой тарелки у нас есть хозяин, до сих пор кажется мне даром Господним, – говорит папа и кладет свою тяжелую ладонь поверх руки Хьюго. – Знаешь, мне будет не хватать твоей тарелки за нашим столом, пока ты будешь в отъезде.

Хьюго кивает, его переполнили эмоции.

– Теперь я чувствую себя виноватым, потому что в следующем месяце мы *все* уедем, – говорит он глухим от переизбытка чувств голосом. – Минус шесть тарелок зараз.

– Это другое. Вы будете совсем недалеко. Так что я буду доставать их на выходных. – Должно быть, что-то изменилось в лице Хьюго, потому что папа, вставая с кровати, похлопывает его по плечу. – Наши мечты меняются вместе с нами, Хьюго. И это нормально. Именно поэтому наша жизнь такая интересная.

В комнату вваливается Альфи, бросает на пол форму для регби и с видом умирающего человека падает на свою кровать.

Папа качает головой, но с веселым видом показывает на разбросанную кучу белья.

– Чистые носки, специально для тебя.

– Ура! – Альфи садится и стягивает с себя грязные, промокшие от пота. – С этими уже пора расставаться.

– Пожалуй, не буду тебе мешать, – отвечает папа, подмигивает Хьюго и закрывает за собой дверь.

Братья остаются одни, и Альфи машет рукой в сторону ноутбука Хьюго.

– Ну, что новенького в мире психопатов и халевщиц?

– Они не...

– Откуда тебе знать, что какая-нибудь из этих девиц не задумала украсть твою личность?

– Я и правда не знаю, – пожимает плечами Хьюго.

Альфи хмурится.

– Что ты будешь делать, если мама и папа обо всем узнают?

– Они уже разрешили мне ехать.

– Да, но не в компании совершенно незнакомого человека. Вряд ли они этому обрадуются.

Хьюго игнорирует брата и открывает почтовый ящик, который они вчера создали. Он внимательно перечитывает каждое из уже пришедших писем, которых оказалось куда больше, чем он мог ожидать, тем более если учесть, что прошло всего двадцать четыре часа. Когда парень доходит до последнего – от Мэй Кэмпбелл из города Хадсон, штат Нью-Йорк, – то на секунду замирает, стараясь не показывать своей радости при мысли о ее видео, что ему совсем не удается. Но его спасает новое входящее сообщение. Услышав сигнал, Альфи перепрыгивает со своей кровати на кровать Хьюго, все еще не сменив мокрую от пота одежду.

– Что там у нас?

Хьюго открывает письмо, отправленное Маргарет П. Кэмпбелл из города Нейплс, штат Флорида, которой уже стукнуло восемьдесят четыре года. На прикрепленной к письму фотографии она запечатлена в тележке «американских горок», и ветер образует вокруг ее головы ореол совершенно белых волос. Ее широкая улыбка обнажает золотые коронки.

– Вот кто нам нужен! – полушутя заявляет Хьюго.

– Только тебе, – говорит Альфи, – может прийти в голову пригласить с собой на каникулы восьмидесятичетырехлетнюю старушку.

– Это не каникулы, – отвечает Хьюго. – Это сделка. Они получают билет, а я – путешествие на поезде. И совсем не похоже, чтобы ей хотелось украсть мой бумажник. Или мою душу.

Альфи морщит нос.

– Как думаешь, что она возьмет с собой перекусить? Чернослив?

– Хватит уже дискриминировать пожилых людей, – говорит Хьюго и толкает брата до тех пор, пока тот с криком не падает с кровати на пол. Альфи так и лежит распластавшись и смотрит в потолок, а Хьюго читает письмо от Маргарет П. Кэмпбелл.

«Когда я была еще девочкой, мы с папой ездили на поезде из Флориды в Южную Каролину, и с тех самых пор я хотела увидеть страну из окна купе. Но потом я пошла в школу, устроилась на работу, у меня появились семья, дети, а потом умер мой муж, да и у меня самой здоровье стало пошаливать, и я решила, что уже стала слишком старой для такого путешествия. Но вдруг

моя правнучка прислала мне ваше письмо, и пусть даже она просто хотела пошутить надо мной, я никак не могу перестать думать об этом. Ведь почему бы и нет, правда? И, что важнее, почему бы не сейчас?»

«Действительно», – думает про себя Хьюго.

С пола доносится голос Альфи, который лежит на спине и тарашится в щель на потолке, которая была похожа, как они решили еще много лет назад, на кита.

– Слушай, а ты тогда серьезно говорил? – спрашивает он. – Ну, про то, что в следующем году тебе хотелось бы больше пространства?

Хьюго долго молчит, но наконец отвечает:

– Да.

– Никогда бы не подумал, – говорит Альфи, приподнимаясь на локтях.

– А ты сам никогда так себя не чувствовал? – спрашивает Хьюго, развернувшись на стуле, чтобы посмотреть на брата.

Альфи задумывается.

– Наверное, мне бы хотелось иметь свою комнату, но в целом мне нравится, когда вы все рядом. Ну, почти всегда.

– Мне тоже, – говорит Хьюго. – Но дело не в этом. Просто... у нас ведь никогда не было выбора, согласен? Большинство наших сверстников уезжает из дома, из семьи, чтобы начать новую жизнь. Но мы всегда знали, что все вместе будем учиться в Университете Суррея. И у нас никогда не было других вариантов.

– Верно, потому что это бесплатно.

– Не совсем. Ты же знаешь, что мы должны будем выполнить ряд условий.

– Если проблема в том, – говорит Альфи, и его глаза весело поблескивают, – что ты боишься, что во время фотосессии будешь выглядеть рядом со мной как кусок дерьма, то можешь встать рядом с Оскаром.

Хьюго закатывает глаза.

– Ты хоть раз читал учебный план, который они нам прислали? За одну только первую неделю мы должны будем дать семь интервью! Ты бы с этого хотел начать обучение в университете?

– Ты имеешь в виду прямую трансляцию того, как мы будем въезжать в общежитие? – с широкой улыбкой говорит Альфи. – А мне, знаешь ли, эта идея нравится. Отличный шанс показать всем, как много я могу выжать.

– И все же я бы предпочел избежать этого спектакля.

– Вряд ли у тебя получится, – став серьезным, отзывается Альфи. – Это часть сделки. И ты прекрасно это знаешь.

– Но мы как цирковые зверушки!

– Цирковые зверушки, которые получают высшее образование бесплатно.

– Знаю, – вздыхает Хьюго. – И понимаю, как нам повезло. Но все равно, разве ты никогда не думал, что бы сделал, если все сложилось бы по-другому?

– Конечно, думал. Стал бы флайхавом⁶ в сборной Англии.

– Seriously.

– Seriously? Не знаю. А ты?

Этот вопрос задевает какие-то струны в душе Хьюго.

– Я тоже не знаю, – признается он. – Именно потому мне так нужно отправиться в эту поездку.

– Чтобы разобраться, что дальше?

– Нет, наоборот, – отвечает Хьюго. – Я ведь уже *знаю*, что дальше.

⁶ Позиция в регби, свободный полузащитник.

– И ты хочешь узнать, каково это – быть самому по себе, – говорит Альфи и ухмыляется. – Что ж, могу сказать одно: я точно не буду скучать по твоему храпу.

Хьюго бросает в брата ручку, но тот уворачивается. Какое-то время они оба молчат, а потом Хьюго возвращается на стуле. Сделав оборот, он смотрит на брата.

– Как думаешь, они ненавидят меня?

– Если только совсем чуть-чуть, – говорит Альфи, сковыривая с коленки пятно грязи. –

Как и я, кстати.

Расстроившись, Хьюго трет глаза.

– Прости. Правда. Но ты же понимаешь, что дело совсем не...

– Знаю. И они тоже. Все будет хорошо. Скоро мы отойдем.

– Даже Джордж?

– Ну, может быть, все кроме Джорджа.

– Офигеть! – простонав, восклицает Хьюго.

– Эй! – Альфи поднимается с пола и подходит к своему ящику с носками. Открыв его, он вытаскивает маленький сверток из листа газеты. – Наверное, мне следовало подождать с этим, но... Фиг с ним!

Хьюго берет сверток и осторожно разворачивает его. Внутри оказывается обложка для паспорта из коричневой кожи. Он удивленно смотрит на Альфи, и в его груди снова разливается тепло.

– Мама хотела купить тебе ярко-оранжевую, чтобы ты точно его не потерял, но папа заметил, что такой цвет может привлечь ненужное внимание, и Поппи выбрала какой-то красный ужас – ты бы от стыда сгорел носить с собой такое, – а потом Джордж предложил взять камуфляжную расцветку. Камуфляжную! Как будто ты отправляешься на войну! А Оскар вообще хотел купить тебе вместо обложки фляжку, и я согласен: сама идея-то ничего, но не по делу. Тут я нашел эту, и Айла посоветовала добавить твои инициалы, – Хьюго открывает обложку и видит, как на мягкой коже выбиты небольшие буквы «ХГУ» –...все согласились. Тебе нравится?

Хьюго проводит пальцами по гладкой поверхности.

– Очень нравится, – отвечает парень, и в его голосе столько эмоций, что они оба знают: на самом деле он хотел сказать: «Я вас всех люблю».

Мэй

Ровно через неделю после того, как Мэй получила письмо от Хьюго У., в котором он рассказал ей, как ему понравилось ее видео, и объяснил, почему не может для своего путешествия выбрать ее, ей приходит новое письмо, в теме которого стоит: «Забавная история».

«Дорогая Мэй,

Мне немного неловко снова писать тебе, но так получилось, что на следующей неделе моей спутнице предстоит операция по удалению косточки на ноге, а значит, мне снова нужна Маргарет Кэмпбелл, которая все еще готова к приключениям (и у которой нет проблем с косточками на ногах). Понимаю, какая это наглость с моей стороны – писать тебе сейчас, когда до начала поездки остается всего неделя, и тем более если учесть, что тогда я не выбрал тебя. Но мне очень понравилось твое видео, так что я надеюсь, ты подумаешь над моим предложением.

Пока,

Хьюго»

«Ну вот, пожалуйста!» – думает Мэй, едва не плача от радости. И конечно, тут же в ее голове выстраивается целый список причин, почему эта поездка – не самая удачная идея: это будет опрометчиво, нерационально и наверняка небезопасно; ей не хочется быть чьим-то запасным вариантом; ее отцы ни за что на свете не разрешат ей отправиться через всю страну в компании незнакомого человека; и самое главное – самое-самое, – кто вообще способен выкинуть такое?

Но потом она вспоминает, как па сказал, что ей нужно пожить и набраться опыта, вспоминает, что говорил Гаррет о создании великих произведений искусства, о том, что в этом городке она чувствует себя словно в джинсах на размер меньше. И Мэй решает, что как раз она и способна.

Откинувшись на спинку стула, девушка замечает на подъездной дорожке маленькую синюю машину. Смутившись, Мэй сбегает вниз по лестнице, вылетает за дверь и несется к заведенному автомобилю, за рулем которого сидит Приянка. Длинные темные волосы завязаны в низкий хвост, на ней толстовка с логотипом Корнелльского университета, которую подарили ей ее родители, когда узнали, что она поступила туда. Когда в окне показывается лицо Мэй, подруга удивленно смотрит на нее.

– Я думала, мы встречаемся в городе, – говорит Мэй, и Приянка переставляет руки на руле.

– Так и есть.

Мэй хмурится.

– Тогда зачем ты приехала за мной?

– Я не за тобой приехала, – робко отвечает Приянка. – Мне просто хотелось сделать это в последний раз.

– Что сделать?

– Не знаю точно. Проехать от моего дома до твоего. Подождать на вашей подъездной дорожке, потому что ты все время опаздываешь. Сколько раз так было?

– Я не *все время* опаздываю, – с притворным возмущением возражает Мэй. – Но частенько, это да.

– И вот сегодня последний раз.

– Но не самый последний. Мы будем приезжать сюда на День благодарения.

– Знаю, – отвечает Приянка. – И всё же.

– Ладно, раз ты все равно здесь, то поехали вместе. – Мэй, ухмыляясь, залезает в машину. – К счастью для тебя, это значит, что тебе придется привезти меня обратно и ты можешь повременить со слезными прощаниями с моей подъездной дорожкой.

Приянка закатывает глаза.

– Как ты можешь всегда быть такой бесстрастной?

– Мне будет грустно прощаться с тобой, – заверяет ее Мэй. – Но я точно не умру, если в течение нескольких месяцев не буду наблюдать свою гаражную дверь.

Приехав в пиццерию, девушки усаживаются за свой обычный столик. Стоит им сделать заказ, как жужжит телефон Приянки, и ее лицо озаряется радостью еще до того, как она видит имя звонящего.

– Алекс? – спрашивает Мэй, глотая через соломинку свой напиток.

Приянка, продолжая улыбаться, кивает. На прошлой неделе ее бойфренд отправился в турпоход для первокурсников и не всегда был на связи.

– Еще пара дней, и он наконец выйдет из леса.

– Поверить не могу, что вы, ребята, продолжаете пытаться делать это.

– Что именно?

– Оставаться вместе.

Приянка поднимает на подругу озадаченный взгляд.

– А почему бы нам не быть вместе?

– Потому что следующие четыре года вы проведете в разных штатах.

– Да, но я люблю его, – отвечает Приянка, как будто все так просто. – А он любит меня.

Мэй громко пьет газировку, пока Приянка заканчивает свой разговор с Алексом. И только тогда, когда официант приносит им их пиццу – наполовину вегетарианскую, наполовину с пепперони, – она убирает телефон, и они наблюдают, как от сыра поднимается пар.

– Любовь, она как пицца, – помахав рукой над столом, говорит Мэй. – Теплая, тягучая, восхитительная, но быстро заканчивается.

Приянка смеется.

– Мы сейчас говорим о Гаррете?

– Я не была влюблена в Гаррета. Это было просто развлечение.

– А он об этом знал?

Мэй демонстративно откусывает кусок от своего ломтика, все еще очень горячего. Поморщившись, она сразу же залпом выпивает полстакана воды. Приянка качает головой.

– Если бы ты не была такая осторожная...

– Я не *осторожная*, – говорит Мэй, чуть ли не выплевывая последнее слово.

Приянка с трудом сдерживает смех.

– Я не имела в виду, что ты осторожная по жизни, – уже мягче поясняет она. – Я говорила про твое сердце.

Мэй уже настроилась поспорить с подругой, но заставила себя прикусить язык.

– Ты самый бесстрашный человек из всех, кого я знаю, – настойчиво продолжает Приянка. – Порой даже слишком. Но когда это действительно важно, ты предпочитаешь не рисковать. Как только какой-нибудь парень начинает влюбляться в тебя, ты убегаешь прочь, только пятки сверкают.

– Это неправда.

– Нет, правда, – возражает Приянка и показывает на пиццу: – Ты боишься вот этой теплой и тягучей части. Ты думаешь, что я сошла с ума, раз все равно пытаюсь остаться с Алексом, но как по мне, пусть лучше я попробую и в итоге останусь с тем, кого люблю, чем буду оберегать себя и останусь...

Мэй сердито хмурится.

– Почему мы вообще говорим об этом?

– Потому что, – уже не так жестко отвечает Приянка, – иногда мне кажется, что тебе интереснее снимать кино, чем проживать свою жизнь. Не все должно быть материальным. Ты словно выходишь за дверь с одной камерой в руках, оставив свое сердце дома на полке. Но если ты никогда не будешь рисковать...

Стараясь не показать свою обиду, Мэй торопливо перебивает подругу:

– Я рискую! И знаешь, честно говоря, я как раз собиралась сказать тебе...

– Нет, не рискуешь. Я имела в виду не *такой* риск.

– Что? Да ведь ты даже не знаешь, о чем я хотела рассказать...

– Мэй, – не без раздражения говорит Приянка, – только ты, выслушав все это, решишь, что тебе стоит подписаться на вероятность быть убитой в поезде каким-то парнем.

– Ты преувеличиваешь!

– Я прислала тебе тот пост в шутку, а не как призыв к действию. Скажи честно, ты ведь не думала поехать с ним?

– Нет, не думала.

– Серьезно?

– Нет, – с ухмылкой отвечает Мэй. – Да ладно тебе, это же будет потрясающе!

Приянка качает головой.

– Я буквально *только что* посмотрела передачу, где рассказывали про девушку, которую преследовали в поезде и...

– Ты слишком много смотришь телевизор.

– Ну, а ты смотришь слишком много кино.

Мэй смеется.

– И что случилось в той передаче?

– Произошла какая-то жуткая путаница, – поднимая с тарелки кусок пиццы, рассказывает Приянка. – Парень оказался очень классным, они влюбились друг в друга, а потом жили долго и счастливо.

– Правда?

– Нет! Ее убили! А ты как думала?

После обеда Приянка отвозит Мэй домой и делает привычный круг в конце подъездной дорожки Кэмпбеллов. Несколько минут они просто сидят в машине и пустым взглядом таращатся на гараж.

– Ладно, ты права, – говорит Мэй, упираясь затылком в подголовник. – Мне сейчас и правда стало грустно.

Приянка смеется.

– Вот видишь!

– Но мы же все время будем на связи, да?

– Конечно!

– Обещай, что будешь звонить мне чаще, чем Алексу.

– Только если ты пообещаешь не садиться в тот поезд.

– Давай будем просто импровизировать, – весело отзывается Мэй.

Она расстегивает ремень безопасности, но Приянка кладет ладонь на ее локоть.

– Послушай, – говорит подруга, и ее карие глаза внимательно смотрят в глаза Мэй. – Я не хочу, чтобы ты отправилась в колледж, считая, что любовь похожа на пиццу.

– Может, лучше бы я считала, что она похожа на кальцоне?

Приянка игнорирует ее.

– Любовь – это... Я не знаю. Что-то большое. Как солнце.

– В смысле, ты можешь обжечься?

– Нет, – утомленно отвечает Приянка, но ее глаза уже начинают блестеть, как всякий раз, когда она думает об Алексее. – В смысле, все становится ярче и радостнее. И любовь согревает тебя изнутри.

– Как и пицца, – говорит Мэй, и в этот раз Приянка шлепает ее по руке.

– Ты понимаешь, о чем я. Просто обещай мне, что будешь открыта всему новому.

Сама того не сознавая, Мэй вдруг понимает, что думает о видео, которое отправила Хьюго У. и о том, как легко ей было отвечать на его вопросы. Она делает глубокий вдох и кивает.

– Обещаю.

Похоже, Приянка довольна ее ответом. Она берется за ручку и вылезает из машины. Мэй делает то же самое. Они торопливо обходят машину спереди и обнимаются.

– Я люблю тебя так же сильно, как пиццу, – шепчет Приянка в ухо Мэй, и та смеется.

– Счастливого пути!

Приянка отступает назад и долго смотрит на подругу.

– И тебе.

Вплоть до этого самого момента Мэй чувствовала некоторые сомнения. Но сейчас ее вдруг осеняет: они обе знают, что она будет делать.

Распрощавшись с Приянкой, Мэй обходит дом и застает на крыльце бабулю, которая в последнее время любит тут прикорнуть. Бабушка открывает глаза, когда Мэй вприпрыжку поднимается по старым деревянным ступеням.

– И вот их осталось двое, – драматично вздохнув, говорит бабуля. – Поверить не могу, что Приянка сбегает отсюда раньше нас.

Мэй смеется.

– Осталось совсем чуть-чуть.

– Пять дней. Но кто считает?

Они пытались уговорить бабулю остаться у них насовсем, убедить, что за городом ей будет спокойнее. Но она ясно дала понять, что не нуждается в отдыхе, и сейчас, поправившись, бабуля настаивает на том, чтобы поскорее вернуться в свою квартиру в Нью-Йорке.

– Знаешь, чего мне *будет* не хватать, когда я уеду отсюда?

– Трепать нервы моим папам?

Бабуля смеется.

– Нет.

– Сожженного кофе?

– Нет.

– Тогда чего?

– Тебя.

Мэй улыбается.

В это время на улицу из-за угла въезжает красная машина, точь-в-точь как у Гаррета, и на секунду Мэй думает, что, может быть, это он. Но Гаррет, конечно, давно уже уехал.

Бабуля, словно читая мысли Мэй, говорит:

– Ну, как ты? Справляешься?

Даже забавно, думает Мэй, что об этом ее спрашивает человек, который недавно прошел четырехнедельный курс индукционной химиотерапии, чтобы вылечиться от острого миелоидного лейкоза. Но она этого не говорит.

– Да, все нормально.

– Знаешь, чтобы исцелить разбитое сердце, нужно найти новую любовь.

– Никто не разбивал мне сердце, бабуль. Мне кажется, на нем вообще ни царапины. – Мэй думает о том, что говорила ей Приянка, и представляет свое сердце аккуратно упакованным

и спрятанным за крошечными щитами. Она косится на бабушку. – Ты когда-нибудь ездила на поезде? Я имею в виду не отсюда до города, а настоящее путешествие.

Бабуля молчит, устремив взор куда-то вдаль.

– Я была чуть постарше тебя, – с легкой улыбкой отвечает она. – Мне было лет девятнадцать, может быть двадцать. Мы с подругой отправились на поезде в Новый Орлеан, на фестиваль Марди-Гра. У нее там была родня, так что мы решили немного развлечься. В первое же утро я познакомилась с молодым человеком в форме, и он купил мне чашку чая. До конца поездки мы с подругой почти не виделись.

Мэй подается вперед.

– Что произошло?

– В смысле что произошло? Мы болтали. Мы флиртовали. Мы целовались.

– Целовались?

– Ну конечно! – пылко восклицает бабуля. – Мы были влюблены.

– Нельзя влюбиться за такой короткий срок, – говорит Мэй, думая о том, что вся эта история подозрительно напоминает один из тех старых романтических фильмов, которые так любит ее бабушка.

Бабуля решительно возражает ей:

– Можно. И это случилось с нами. Мы провели вместе весь уик-энд – танцевали, ели и слушали джаз. От счастья кружилась голова. Мы не могли оторваться друг от друга, не могли...

Мэй, дабы избежать дальнейших подробностей, торопливо спрашивает:

– И что потом?

– Мы попрощались.

– Но вы же были влюблены друг в друга?

– Он должен был ехать на военную базу в Техас. Я жила в Нью-Йорке. Как говорят, не судьба. – Бабушка пожимает плечами. – В любви нет магии. Она не может перенести тебя за пределы времени и пространства. Не может что-то исправить. Это просто любовь.

– Но...

– Я влюблялась много раз, прежде чем встретила твоего дедушку. Иногда эти чувства длились долго, иногда нет. Весь фокус в том, чтобы не беспокоиться по этому поводу. Если будешь слишком много думать об этом, любовь просто исчезнет, ты ее упустишь.

– Ну, а что случилось с тем молодым человеком? – нетерпеливо спрашивает Мэй.

– Его убили во Вьетнаме. Мы продолжали писать друг другу открытки вплоть до того самого дня, когда он погиб.

Мэй молчит, никак не может решить, что это – воспоминания или воображение. Очень похоже на правду, но так можно сказать про все ее истории, которые она им рассказывала на протяжении этих лет. Бабуля тоже сидит в тишине, наверное, думая про своего солдата или погружившись в фильмы, которые крутятся в ее голове. Спустя некоторое время она ставит свою кружку на столик между ними и поворачивается к Мэй.

– Что ж, расскажи мне про эту поездку на поезде.

– Про какую поездку?

– Про ту, по поводу которой ты сомневаешься, ехать или нет.

Мэй удивленно смотрит на бабулю. И выкладывает ей всю историю. Она рассказывает про всплеск боли, который ощутила, увидев тот пост, про видео, которое она отправила через океан в приложении к электронному письму; о том, что почувствовала, вновь пересмотрев свой фильм, – словно она топчется на месте, не в силах понять, как еще ей посмотреть на свою жизнь, и как помог ей Гаррет, сказав «безличный»; о сообщении от Хьюго У. и вопросе, который он задал и который не дает ей покоя даже несколько дней спустя. Когда Мэй заканчивает, бабуля лишь кивает головой.

– Твои отцы никогда не разрешат тебе, – говорит она, и плечи Мэй опускаются, потому что девушка тоже прекрасно это понимает. Но, к ее изумлению, бабуля подмигивает ей. – Но это не должно помешать тебе поехать.

Мэй не удается скрыть свою улыбку.

– Правда?

– Конечно! – подавшись вперед, отвечает бабуля. – Ты говорила, что твоя соседка по комнате – из Бруклина, верно?

И вот так, вечером в этот же день, Мэй сидит напротив своих отцов в закуской – которая по иронии судьбы обустроена в стиле старинного вагона, – и рассказывает им, что она и ее будущая соседка по комнате по имени Пайпер хотят вместе отправиться в Калифорнию на поезде.

– На поезде? – опуская свой сэндвич, спрашивает папа с ужасом в глазах. – Ты ведь в курсе, что на самолете будет куда быстрее?

– Конечно, в курсе, – отвечает Мэй, – но она собиралась ехать со своей мамой, но потом что-то там случилось, и ей нужен попутчик, потому что билеты уже куплены.

– Следующие девять месяцев вы будете вместе жить в комнатке размером с обувную коробку, – говорит па. – Ты правда хочешь, чтобы все это началось на неделю раньше?

– Рано или поздно Пайпер все равно узнает про храп, – говорит папа, и Мэй одаривает его испепеляющим взглядом. – Но что, если она сама не подарок?

– А что, если она окажется классной девчонкой? – Мэй пожимает плечами. – В любом случае это будет опыт. Вы же сами сказали, что мне нужно его набираться.

– Мы имели в виду колледж, – отвечает папа. – Это не то же самое, что мотаться по поездам, словно бездомные бродяги. Вы все время будете там проводить? В смысле спать и все такое? – Он косится на па. – Даже от одной мысли об этом у меня спина начинает болеть.

– Они забронировали поездку с остановками в гостиницах, так что мы сможем посмотреть некоторые города, через которые будем проезжать. – Мэй неловко ерзает на стуле, опустив глаза на свой сырный тост. Она еще никогда так сильно не врала им. Но ей нужно отправиться в это путешествие, а узнав правду, они ни за что ее не отпустят. – Будет весело.

– Ты уверена, что хочешь уехать на неделю раньше? – спрашивает па, и Мэй прямо-таки физически ощущает исходящие от него волны разочарования.

Девушка смотрит за окно. Солнце садится, и все вокруг переливается золотым, словно это уже воспоминание, и даже старые здания с облупившейся краской придают их городку очаровательный и уютный вид, и он уже не кажется душным и маленьким.

– Да, – тихо отвечает Мэй, снова повернувшись к своим отцам. Их плечи соприкасаются, и она знает, что они держатся за руки под столом, и от этого на сердце еще тяжелее. – Но это не значит, что я не буду чертовски по вам скучать. К тому же бабуля тоже скоро возвращается в город, так что нам все равно придется прощаться, и, если честно, мне кажется, что сейчас настал один из тех моментов, когда правильным ответом будет «да».

Ее родители переглядываются.

– Вы все время будете вместе? – спрашивает па. – Днем и ночью? Будете присматривать друг за другом?

Мэй проглатывает ком в горле.

– Да.

– И если она окажется плохим человеком или будет дурно влиять на тебя, – говорит папа, – ты проявишь здравомыслие?

– Да, – пряча улыбку, отвечает Мэй.

– И ты будешь связываться с нами три раза в день? – спрашивает па.

– Четыре, – встречается папа. – Нет, пять!

– Ну конечно.

Па долго смотрит на нее.

– И ты перестанешь терзаться из-за своего фильма?

Девушка медлит с ответом.

– Вот этого не могу обещать.

– Тогда, может быть, подумаешь о том, не снять ли новый?

– Обязательно.

– Тогда, полагаю, – удовлетворенно кивнув, говорит он, – правильным ответом будет «да».

Хьюго

Хьюго стоит посреди Пенн-Стейшн, который оказывается не только худшим вокзалом из тех, где ему довелось побывать, но еще, возможно, и худшим в мире местом. Здесь темно, все какое-то серое и грязное, людей слишком много и слишком шумно.

Рядом с ним останавливается полицейская собака и нюхает его рюкзак. Хьюго хочет погладить пса, но офицер рявкает на него:

– Руки!

Парень отшатывается, остро осознав в этот момент, что он находится в Америке, и сейчас, посреди этого переполненного вокзала, в его голове проносятся не мамыны многочисленные предупреждения о том, что нужно следить за своими вещами, а единственное папино, которое он повторял им год за годом: нужно быть предельно осторожным, когда ты наполовину афроамериканец.

Все это совсем не похоже на многообещающее начало путешествия.

Мэй пока не появилась. Хьюго прислоняет свой рюкзак к стене и старается держаться как можно ближе к нему. Будет совсем неудивительно, если его украдут еще до того, как они сядут в поезд. Пока что у него получалось не заблудиться, не стать жертвой грабителя и избегать чего похуже. Прошло всего каких-то двадцать четыре часа, но Хьюго даже это казалось настоящей победой.

Без Маргарет Кэмпбелл он не смог попасть в отель, где у них был забронирован номер на прошлую ночь. Но ему удалось найти место в задрипанной сетевой гостинце в конце Таймс-сквер. Стены там были тонкими, как лист бумаги, и он слышал, как ругаются соседи. Но едва ли это его беспокоило. Хьюго и вспомнить не мог, когда в последний раз жил один в целой комнате, и был слишком возбужден, чтобы спать.

Он проснулся рано, чувствуя себя разбитым из-за разницы во времени, но готовым следовать маршруту, который Маргарет наметила для них. Но Хьюго вдруг понял, что без нее может делать все, что захочет, и эта мысль вызвала в нем странную радость. Он был один в чужой стране, без родителей, без братьев и сестер, без девушки; по сути, ни одна живая душа не знала, где он находился в этот самый момент.

Хьюго был свободен, целиком и полностью.

Вместо музея искусств Метрополитен он отправился в Хай-Лайн⁷. Вместо обеда в дорожном ресторане, где у них с Маргарет был заказан столик, он съел хот-дог, купленный у одной из маленьких тележек с зонтами. Вечером он отправился выпить пинту в старый паб в Вест-Виллидж, где ему было в этом отказано.

– А то, что я англичанин, не считается? – с надеждой в голосе спросил Хьюго.

– А мы что, в Англии? – спросил его в ответ хмурый бармен, и в этом заключалась суть: нет, он был не в Англии. Все было удивительно, поразительно, до боли в сердце новым. И ему это очень нравилось. Все это. Даже голуби.

На экране телефона высвечивается сообщение от его мамы: «Ты по-прежнему цел и невредим?»

Хьюго вздыхает. И словно она слышит этот вздох, появляется следующее сообщение: «Я всего лишь спрашиваю. Никаких татуировок? Ничего такого?»

Хьюго: «Никаких татуировок. Но вчера вечером я проколол себе нос».

Мама: «Хьюго!»

⁷ Хай-Лайн (англ. High Line) – парк в Среднем и Нижнем Манхэттене, разбитый на месте закрытой ветки надземной железной дороги на высоте 10 метров.

Хьюго: «Я просто подкалываю тебя. Не волнуйся так».

Мама: «Сделаешь для меня фото океана, не забудешь?»

Хьюго: «Слишком поздно. Я уже отправляюсь на запад».

Мама: «Я имела в виду Тихий океан. Всегда мечтала его увидеть».

Объявляют номер платформы его поезда, и толпа оживает. Хьюго, прищурившись, всматривается в гигантское табло – буквенно-цифровую смесь из времени и пунктов назначения.

Хьюго: «Мам, мне пора. Поезд уже подали. Люблю тебя».

Мама: «Тоже тебя люблю».

Хьюго: «И не волнуйся, паспорт при мне».

Мама: «И в мыслях не было спрашивать».

Он засовывает мобильник в задний карман и оглядывается в поисках Мэй, пытаюсь вспомнить ее внешность из видео, но девушки нигде не видно. Уже десять минут четвертого, а значит, она серьезно опаздывает. Поезд должен отправиться ровно в тринадцать минут, и Хьюго, встав на цыпочки, снова всматривается в толпу. Он так занят этим процессом, что до него лишь через секунду доходит, что она уже здесь, стоит всего в паре шагов от него.

Опешив, Хьюго моргает. Мэй одета в черное хлопковое платье и джинсовую куртку, волосы небрежно собраны в высокий хвост. На ногах поношенные красные кроссовки, а за спиной зеленый рюкзак почти с нее ростом.

– Хьюго, – произносит девушка, хотя звучит это не совсем как вопрос.

Когда Мэй ответила на его второе письмо, Хьюго отправил ей свою фотографию, чтобы она знала, что он не какой-то псих из интернета. (Хотя, может, он в него уже превратился? Трудно сказать наверняка.) Какое-то время Хьюго даже не называл Мэй свою фамилию, опасаясь, что она найдет в сети кучу статей о его семье или, боже упаси, блог его мамы, сокровищницу позорных историй из его жизни. Он хотел начать это путешествие как Хьюго Уилкинсон, а не как один из «Шестерки Суррея».

Но в переписке Мэй стала настаивать на том, чтобы он назвал фамилию, и Хьюго не мог винить ее за это. Если бы одна из его сестер слетела с катушек и решила бы отправиться в путешествие в компании какого-то парня, с которым познакомилась в интернете, он бы точно хотел, чтобы она узнала о нем все подробности. И тем не менее парень приготовился к ее потрясению, которое испытывал каждый, узнав, что он один из шестерняшек. Но Мэй отреагировала вполне спокойно. К его облегчению, в своем следующем сообщении она лишь попросила его выслать ей полное описание их маршрута.

И все же Хьюго думает, что она наверняка изучила его биографию. Поэтому его удивляет то, как Мэй смотрит на него – словно не может решить, он это или нет. Но тут его осеняет, что все совсем не так. Девушка как будто оценивает его, и Хьюго распрямляет плечи и встает чуть ровнее, выжидая, пока она вынесет свой вердикт.

Наконец Мэй подходит к нему.

– Привет.

Хьюго машинально улыбается ей, несмотря на то, как сильно нервирует его прямота ее взгляда. Девушка сантиметров на тридцать ниже него, но держится она с такой уверенностью, что кажется намного выше.

– Привет, – отвечает Хьюго.

– Я Мэй. – Она протягивает ему руку. Это необычайно формальный жест, но он задает определенный тон: они партнеры. – Прости, что опоздала.

– Все нормально. Я рад, что ты вообще пришла.

– Я тоже, – отвечает девушка, и в ее глазах искрится смех. – К счастью, у меня не оказалось никаких косточек на ногах.

– И правда, – говорит Хьюго, чувствуя, как краснеет – ему до сих пор неловко из-за того, что он сначала отказал ей, а потом опять пригласил. – Ты приехала на машине или на...

Он показывает рукой на огромное табло, висящее в центре вокзала, и Мэй это, похоже, веселит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.